ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ
БІОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА.

200
С60

МАГОМЕТЪ

ЕГО ЖИЗНЬ И РЕЛИГІОЗНОЕ УЧЕНІЕ.

ОЧЕРКЪ

Владиміра Соловьева.

Съ изображеніемъ Магомета, гравированнымъ въ Лейпцигѣ Геданомъ.

Изданіе 2-е.

ЦѢНА 25 КОП.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Ю. Н. Эрлихъ. Садовая, № 9.
1902.

Пров. 1959

„Пров 38“

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 24 Ноября 1901 года.

184405

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

ПРЕДИСЛОВІЕ 5
ВСТУПЛЕНІЕ. Слоновый годъ 7
I. Историческая рамка 9
II. Ранніе годы Мухаммеда, его религіозное призваніе. . 15
III. Религіозныя вліянія.—Ханифы 19
IV. Порученіе проповѣдывать 23
V. Сущность Ислама.—Вѣра Авраамова.—Отношеніе къ другимъ монотеистическимъ религіямъ 26
VI. Взглядъ Мухаммеда на самого себя 32
VII. Первыя возраженія, встрѣченныя Мухаммедомъ . . . 34
VIII. Ученіе Корана о предопредѣленіи и свободѣ. — Вѣра и добрыя дѣла 37
IX. Ученіе о будущей жизни. 43
X. Первая проповѣдь, первыя преслѣдованія и обращенія. 46
XI. Новыя преслѣдованія и личныя несчастія Мухаммеда.— Расширеніе горизонта 50
XII. Первые ансары.—Хиджра.—Договоры 52
XIII. Недовольство Мухаммеда противъ евреевъ. — Перемѣна киблы.—Повышенное самосознаніе 57
XIV. Идея священной войны. — Первыя примѣненія ея: битвы при Бедрѣ и Оходѣ. 59
XV. Окопная война и ея слѣдствія 64
XVI. Мирный походъ къ Меккѣ и договоръ съ корейшитами.—Первые шаги за предѣлами Аравіи 67
XVII. Окончательное торжество Мухаммеда 72
XVIII. Смерть Мухаммеда. — Оцѣнка его нравственнаго характера 74
ЗАКЛЮЧЕНІЕ 79

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Основатель ислама называется на своемъ родномъ арабскомъ языкѣ *Мухáммедъ*, такъ въ старину называли его и по-русски. Но въ девятнадцатомъ столѣтіи вошло у насъ въ употребленіе взятое съ французскаго *Магометъ*. Въ текстѣ этой книжки введенъ мною *Мухаммедъ*, но на заглавномъ листѣ я долженъ былъ сохранить привычное для публики названіе.

Значеніе Мухаммеда и основанной имъ религіи въ общихъ судьбахъ человѣчества такъ важно, что писатель, занимающійся религіозною философіей и философіей исторіи, не нуждается въ особомъ оправданіи, если онъ, *и не будучи оріенталистомъ*, имѣетъ свое собственное сужденіе о лицѣ и дѣлѣ арабскаго «пророка». Но чтобы обезпечить себя отъ естественныхъ въ такомъ случаѣ частныхъ ошибокъ, я обратился за совѣтами и указаніями къ самому авторитетному изъ нашихъ арабистовъ, который съ первостепенною спеціальною ученостью соединяетъ и живой интересъ къ общимъ вопросамъ. Считаю пріятнымъ долгомъ выразить свою глубочайшую признательность академику барону В. Р. Розену за любезное участіе, которое онъ принялъ въ моемъ маленькомъ трудѣ.

Главнымъ источникомъ для этой книжки былъ Коранъ, которымъ я пользовался въ различныхъ переводахъ, старыхъ и новыхъ. Изъ менѣе извѣстныхъ у насъ переводовъ были мнѣ рекомендованы барономъ Розеномъ: *Rodwell*, El-Kor'ân, 2 ed. Lond. 1876 и *Rückert*, Der Koran, herausgegeben von August Müller, 1888. Изъ прочитанныхъ мною сочиненій о Мухàммедѣ и объ арабахъ его времени укажу только главныя:

Nicolaus Cusanus, De cribratione alchoran (въ собраніи его сочиненій).

Caussin de Perceval, Histoire des Arabes, 3 т.
Sprenger, Das Leben und die Lehre des Mohammed, 3 т.
Wellhausen, Skizzen und Vorarbeiten.
August Müller, Der Islam im Morgen- und Abendland.
Hubert Grimme, Mohammed.
Rabertson Smith, The religion of the Semites.

Для многихъ читателей не лишнимъ будетъ замѣтить, что религіозное ученіе Мухаммеда, сохраненное въ коранѣ и изложенное въ настоящей книжкѣ, такъ же не похоже во многихъ отношеніяхъ на позднѣйшій исламъ, или Мухаммеданство, какъ проповѣди Шакъямуни Будды и уставы его общины не похожи на доктрины и учрежденія сѣвернаго (тибетско-монгольскаго) буддизма или ламаизма. Несомнѣнно однако, что каждая изъ этихъ великихъ религіозныхъ культуръ не есть только механическое накопленіе разнородныхъ элементовъ, а выросла на исторической почвѣ изъ живого зерна, брошеннаго туда геніемъ перваго основателя, съ именемъ котораго не напрасно связано все дальнѣйшее образованіе.

Владиміръ Соловьевъ.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Слоновый годъ.

Пятьсотъ семидесятый годъ по Р. Х. былъ одинаково зловѣщимъ для обоихъ владыкъ, въ непримиримой враждѣ между собою раздѣлявшихъ тогдашній историческій міръ. «Самодержецъ Ромеевъ», Юстинъ II, въ Византіи, и «Царь царей», Хозрой Ануширванъ, въ Ктезифонѣ, получили оба въ разной формѣ грозное предостереженіе.

Еще Юстинъ Старый и Юстиніанъ, возобновляя войну съ персами, рѣшили, для отвлеченія непріятельскихъ силъ, воспользоваться далекимъ христіанскимъ царствомъ въ Эѳіопіи или Абиссиніи, съ которымъ и завязали дипломатическія сношенія, отчасти при посредствѣ духовныхъ лицъ. Сношенія эти привели къ тому, что Аксумскій негусъ, котораго предки издавна стремились распространять свою власть на противолежащій аравійскій берегъ Краснаго моря, занялъ своими войсками юго-западный уголъ Аравійскаго полуострова и поставилъ тамъ своего намѣстника, причемъ имѣлось въ виду двинуться впослѣдствіи далѣе, къ сѣверо-восточной Аравіи, гдѣ признавалось верховенство персидскаго царя и находились его передовые отряды. Къ осуществленію этого плана въ большихъ размѣрахъ приступилъ въ помянутомъ году намѣстникъ Абиссинскій Абраха, собравшій огромное для тѣхъ мѣстъ и временъ ополченіе, со многими боевыми слонами, привезенными изъ Африки и составлявшими для аравитямъ невиданную диковину. Это войско должно было двинуться изъ Іемена чрезъ Хиджазъ въ городъ Ятрибъ и оттуда къ Персидской границѣ. Въ Византіи знали объ этомъ предпріятіи и многаго отъ него ожидали. Но по дорогѣ изъ Іемена къ Персіи нельзя было миновать знаменитаго города Мекки, бывшаго нѣкоторымъ федеративнымъ центромъ для бо́льшей части аравійскихъ племенъ. Отворить ворота Мекки абиссинскому войску значило подвергнуть всю Аравію той участи, которая постигла ея юго-западныя области, значило подчиниться чужой иноплеменной власти. Рѣшиться на это нельзя было безъ боя, но попытки сопротивленія въ открытомъ полѣ не имѣли успѣха: перевѣсъ организованной военной силы былъ на сторонѣ абиссинцевъ, а главное, африканскіе

слоны съ непривычки наводили ужасъ на арабовъ и ихъ коней. Впечатлѣніе было такъ глубоко, что пятьсотъ семидесятый годъ перешелъ въ исторію съ прозваніемъ *слоноваго года*. Владѣвшее Меккой племя корейшитовъ и ихъ союзники заперлись въ городѣ и готовились къ отчаянной защитѣ. Абиссинцы обложили священный городъ, но въ первую же ночь въ ихъ станѣ проявилась страшная и невѣдомая болѣзнь, отъ которой большая часть людей погибла, а остальные въ безпорядкѣ бѣжали въ Іеменъ, но почти всѣ были перебиты по дорогѣ бедуинами. Это положило конецъ не только дальнѣйшимъ предпріятіямъ абиссинцевъ, но и самой ихъ власти въ южной Аравіи и ихъ союзу съ Византіей. Для греческаго императора это было большое огорченіе.

Но хотя персидскій царь и воспользовался неудачей африканскихъ союзниковъ Византіи и, вытѣснивъ ихъ изъ Іемена, водворилъ тамъ на нѣкоторое время свое владычество, — однако и для него 570-й годъ былъ отмѣченъ дурнымъ предзнаменованіемъ. Въ ту самую ночь, когда нечеловѣческая рука истребила союзниковъ его врага, самъ онъ, по преданію, былъ пораженъ зловѣщимъ чудомъ: всѣ священные сосуды въ его дворцовомъ храмѣ были опрокинуты и разбиты, и неугасимый огонь — символъ верховнаго божества иранцевъ — внезапно потухъ.

Если греческій императоръ былъ огорченъ и смущенъ чудесной гибелью своихъ союзниковъ, если персидскій царь былъ пораженъ и испуганъ чудеснымъ паденіемъ своихъ боговъ, ни тому, ни другому властителю не было однако понятно все зловѣщее значеніе для нихъ этой ночи, ибо они не могли знать, что въ эту самую ночь, въ домѣ бѣднѣйшаго изъ жителей Мекки, Абдаллы сына Абд-эль-Мутталибова, родился мальчикъ, которому было суждено создать новую духовно-политическую силу, предназначенную объединить народы Востока и покончить тысячелѣтнюю распрю греческаго и персидскаго царствъ — разрушеніемъ обоихъ *).

*) Происшествіе во дворцѣ персидскаго царя въ ночь, когда родился Мухаммедъ, есть позднѣйшая легенда, которою я пользуюсь лишь какъ живописнымъ символомъ, хотя быть можетъ она и имѣетъ какое-нибудь реальное основаніе. Гибель христіанскаго войска подъ Меккою въ годъ рожденія пророка (или около того) есть несомнѣнный фактъ. Но что эти два событія произошли въ одну и ту же ночь — это конечно болѣе эффектно, нежели достовѣрно, особенно если принять во вниманіе, что число и даже мѣсяцъ рожденія Мухаммеда съ точностью неизвѣстны: по однимъ свидѣтельствамъ онъ родился въ день, соотвѣтствующій нашему 20 апрѣля, по другимъ — 27 августа.

ГЛАВА I.

Историческая рамка.

По дорогѣ торговыхъ каравановъ, отправлявшихся изъ Іемена и Эѳіопіи въ Палестину и Месопотамію черезъ Хиджазъ (между средне-аравійскимъ плоскогорьемъ Неджды и Краснымъ моремъ), издавна главными станціями были Макораба (Мекка) и Ятрипа (Ятрибъ, впослѣдствіи Медина). Первый изъ этихъ городовъ былъ торговымъ и религіознымъ центромъ аравійскихъ племенъ, а второй имѣлъ значеніе международной или, лучше сказать, междурелигіозной связи Аравіи съ внѣ-аравійской исторической стихіей, такъ какъ въ немъ, кромѣ двухъ арабскихъ племенъ Аусъ и Хазраджъ, обитало много евреевъ, которые, подобно туземцамъ, составляли цѣлыя племена, или кланы (Бену-Кейнока, Бену-Надиръ, Бену-Корейза), и занимали особыя части города. Въ близкомъ сосѣдствѣ съ Ятрибомъ (Мединой) находилась чисто-іудейская колонія Хейбаръ, а нѣсколько подалѣе къ сѣверу—Тейма. Отсюда Синай и Іерусалимъ были ближе, чѣмъ Петербургъ отъ Москвы. Такимъ образомъ мѣсто происхожденія новой религіи примыкаетъ къ священнымъ мѣстамъ іудейства и христіанства. Кромѣ этой географической связи аравійской религіи съ еврейско-христіанскимъ откровеніемъ, есть между ними родство племени, языка и преданій. Аравія издревле населена двумя семитическими племенами, которыя Библія называетъ сынами Іоктана (Бытія X, 25—30.) и сынами Измаила (Бытія XXV, 12—16). Оба племени говорили на одномъ и томъ же языкѣ, весьма близкомъ къ еврейскому. Сѣверные аравитяне задолго до Мухаммеда не только назывались измаильтянами у еврейскихъ и у христіанскихъ писателей, но и сами они усвоили библейское сказаніе объ Авраамѣ, Агари и Измаилѣ и обогатили его мѣстными подробностями болѣе или менѣе древняго происхожденія. Источникъ Земземъ въ Меккѣ былъ тотъ самый, изъ котораго явившійся по молитвѣ Агари *) ангелъ Господень (по мусульманской версіи архангелъ Гавріилъ) напоилъ умиравшаго отъ жажды Измаила; небольшой четыреугольный храмъ или алтарь (Кааба), находившійся около этого источника, былъ, по преданію, построенъ са-

*) Любопытно, что еврейское *Хагаръ* (Агарь) этимологически тождественно съ арабскимъ *Хиджра* (переселеніе, эмиграція), каковымъ словомъ обозначается начало мусульманства. Своимъ удаленіемъ изъ Авраамова города Мекки Мухаммедъ какъ бы повторилъ выселеніе своего праотца Измаила изъ дома Авраамова.

мимъ Авраамомъ, пришедшимъ посѣтить своего изгнаннаго сына; черный камень-метеоритъ, вдѣланный въ одну изъ стѣнъ Каабы, былъ тогда же принесенъ съ неба архангеломъ Гавріиломъ; тутъ же вблизи былъ обломокъ скалы, на которую становился Авраамъ съ Измаиломъ для молитвы — мѣсто Авраамово (Макамъ-Ибрагимъ). Тотъ фактъ, что всѣ эти преданія относились не къ полуеврейскому Ятрибу и не къ южной Аравіи, гдѣ еврейскій элементъ пріобрѣлъ одно время даже господствующее положеніе, а къ Меккѣ, гдѣ евреи никогда не жили, рѣшительно противорѣчитъ, на нашъ взглядъ, предположенію многихъ новѣйшихъ ученыхъ, будто евреи произвольно навязали арабамъ библейское сказаніе объ Измаилѣ, не имѣвшее будто-бы первоначально никакого отношенія къ арабамъ. Еще менѣе вѣроятно, чтобы все это было просто выдумано Мухаммедомъ. Теорія Дози, по которой сама Мекка была первоначально еврейскимъ поселеніемъ, не нашла признанія въ наукѣ.

Аравійскій полуостровъ до Мухаммеда представлялъ весьма пеструю картину: остатки высокой древней культуры на югѣ, зачатки новой цивилизаціи въ силу внѣшнихъ вліяній на сѣверѣ и полудикая, наполовину кочевая жизнь въ серединѣ. — Въ южной Аравіи, или Іеменѣ *), расположенномъ между Индіей и Эѳіопіей, за много вѣковъ до Р. Х. существовали образованныя государства, о которыхъ свидѣтельствуютъ огромныя развалины великолѣпныхъ храмовъ, дворцовъ и разныхъ культурныхъ сооруженій — мостовъ, водоемовъ, плотинъ, а также столбы съ надписями объ историческихъ событіяхъ, на арабскомъ языкѣ, но особыми письменами, которыя недавно удалось разобрать ученымъ.

Нѣкоторыя изъ этихъ надписей, относящіяся къ главному изъ южно-аравійскихъ царствъ — Савскому, или Сабейскому, о которомъ говорится въ Библіи, даютъ твердое хронологическое указаніе благодаря сопоставленію ихъ съ клинообразными надписями Ассиріи. А именно, и тамъ, и здѣсь встрѣчается одно и то же лицо сабейскаго царя или князя Итамара, или Ятаамара. Найденная въ Ниневіи клинообразная надпись царя ассирійскаго Саргона, относя-

*) Іеменъ (тоже что еврейское Яминъ) значитъ собственно *правый*. Такъ какъ страны свѣта опредѣлялись семитами по отношенію къ сторонѣ солнечнаго восхода, то по правую руку находился югъ, и іеменъ значило *южный*. Но правая сторона у большинства народовъ считается счастливою, поэтому Іеменъ значитъ также *счастливый, благословенный*. Отсюда, по недоразумѣнію, южная часть Аравійскаго полуострова названа римлянами *Счастливой Аравіей* (Arabia felix). На такомъ же недоразумѣніи основано вѣроятно и Гомеровское представленіе о «блаженныхъ эѳіопахъ».

щаяся къ 715 году до Р. Х., извѣщаетъ, что этотъ царь получилъ отъ Итамара Савейца дань: золото, травы восточной земли, рабовъ, коней и верблюдовъ; а многія изъ южно-аравійскихъ надписей говорятъ объ Ятаамарѣ, князѣ Савейскомъ.

Паденіе этихъ южно-аравійскихъ царствъ, имѣвшее, какъ мы увидимъ, вліяніе на возникновеніе новой религіи, произошло во II вѣкѣ по Р. Х. и обусловлено было извнѣ двумя главными причинами. Во-первыхъ, послѣ основанія Александріи, особенно же съ возвышеніемъ Рима, великій торговый путь изъ Индіи въ Средиземно-морскія страны пересталъ проходить черезъ Іеменъ (сухимъ путемъ), а отклонился къ западу (Краснымъ моремъ), такъ что царство Савское со своимъ главнымъ городомъ Ма'рибомъ, процвѣтавшее прежде, какъ центральный этапъ этого великаго пути, осталось отъ него въ сторонѣ и пришло въ упадокъ. Доканало его другое бѣдствіе случайнаго характера, но съ которымъ ослабѣвшее царство уже не могло справиться. Огромная каменная плотина около Ма'риба, остатки которой сохраняются и теперь, рушилась отъ землетрясенія. Между тѣмъ это древнее сооруженіе было послѣ международной торговли вторымъ главнымъ условіемъ благосостоянія Савскаго царства: плотина задерживала накоплявшіяся въ горахъ воды и позволяла распредѣлять ихъ сообразно нуждамъ земледѣлія. Такимъ образомъ, это разрушеніе плотины, навсегда запечатлѣвшееся въ національной памяти арабовъ, не только уничтожило наводненіемъ главный городъ Савскаго царства, но и у сельскаго населенія отняло средства къ существованію; страна, уже обѣднѣвшая вслѣдствіе упадка торговли, стала теперь жертвою стихійныхъ силъ и лишилась возможности прокармливать свое густое въ то время населеніе. Многія племена арабовъ-Іоктанидовъ двинулись на сѣверъ, въ область Измаилитовъ; одно изъ нихъ — племя Хозаа овладѣло Меккой и отняло у господствовавшихъ тамъ прежде корейшитовъ завѣдываніе Каабой. Оставшееся населеніе Іемена вошло въ составъ новаго государства Химьяръ (Гомериты), которое просуществовало нѣсколько вѣковъ, но въ богатствѣ и могуществѣ никогда не могло сравниться съ древнимъ Савскимъ царствомъ. Князья и часть населенія этого Химьярскаго государства исповѣдывали одно время еврейскую вѣру, какъ было у нашихъ хозаровъ.

Пока на югѣ разрушались остатки древней аравійской культуры, на сѣверныхъ окраинахъ полуострова, подъ вліяніемъ персидской и греко-римской цивилизаціи, кочевые арабы переходили болѣе или менѣе къ осѣдлости и даже къ государственности. На сѣверо-востокѣ, въ низовьяхъ Евфрата, образовалось съ столицей Хира

и династіей Лахмидовъ арабское государство, ставшее въ вассальныя отношенія къ ново-персидскому царству Сассанидовъ; а на сѣ-сѣверо-западѣ, близъ предѣловъ Палестины, династія Гассанидовъ управляла окрестными арабами въ зависимости отъ сирійскаго намѣстника ромейскаго императора. Здѣсь такимъ образомъ вліяніе обѣихъ великихъ державъ Востока уравновѣшивалось; въ южной Аравіи онѣ вступили въ борьбу за преобладаніе, которая имѣла перемѣнный успѣхъ и была упразднена лишь появленіемъ Ислама. Мы видѣли (см. вступленіе), какую роль въ этой борьбѣ имѣла Абиссинія, и какъ ея войско, предназначенное противъ персовъ, внезапно погибло передъ Меккой.

Тяготившіеся абиссинскимъ игомъ Химьярскіе князья въ Іеменѣ, ободренные неудачей своихъ завоевателей подъ Меккой, рѣшили возстать и послали одного изъ своихъ къ персидскому царю Хозрою Ануширвану просить о помощи противъ абиссинцевъ-христіанъ, союзниковъ Византіи. Царь послалъ въ Іеменъ войско подъ начальствомъ полководца Вахриза, который двукратно разбилъ абиссинцевъ, изгналъ ихъ изъ Аравіи и утвердился самъ въ городѣ Санѣ, какъ намѣстникъ великаго царя надъ туземными князьями.

Но дни персидскаго, такъ же какъ и византійскаго владычества въ Аравіи были уже сочтены. Въ Меккѣ родился человѣкъ, чрезъ котораго исполнились древнія обѣтованія Божіи объ Измаилѣ, предкѣ его: и рече ей (Агари) ангелъ Господень: «умножая умножу сѣмя твое и не сочтется отъ множества: се ты во чревѣ имаши и родиши сына и наречеши имя ему Ісмаилъ (*Ишма-эль* значитъ «услышалъ Богъ»): яко услыша Господь смиреніе твое. Сей будетъ селный человѣкъ, *и руцѣ его на всѣхъ и руки всѣхъ на него, и предъ лицемъ всея братіи своея вселится*». (Бытія XVI, 10—12). «О Ісмаилѣ же се послушахъ тебе: и се благословихъ его, и возращу его, и умножу его зѣло: двенадесять языки родитъ и дамъ его въ языкъ велій» (Бытія XVII, 20; см. также XXI, 13, 18).

Родители Мухаммеда принадлежали къ измаилитскому племени корейшитовъ, господствовавшихъ въ Меккѣ еще до Рождества Христова. Во II вѣкѣ по Р. Х., вслѣдствіе упомянутой катастрофы въ Іеменѣ, принудившей жителей этой страны къ выселенію, племя Бену-Хозаа, придя съ юга, овладѣло окрестностями Мекки, а потомъ и самою Меккой, отнявъ у корейшитовъ завѣдываніе храмомъ. Это племя хозаитовъ, какъ и прочія южно-аравійскія племена, было гораздо болѣе склонно къ фетишизму и натуралистическому многобожію, нежели сѣверяне-измаилиты, и водвореніе хозаитовъ въ Меккѣ безъ сомнѣнія усилило здѣсь идолопоклонство и

способствовало косвеннымъ образомъ той монотеистической реакціи, которой побѣдоноснымъ представителемъ впослѣдствіи сдѣлался Мухаммедъ.

Мекка издавна была, по выраженію Вельгаузена, «перекрестнымъ пунктомъ въ вихрѣ внутреннихъ народныхъ переселеній арабовъ. Многія народныя наслоенія легли на этой почвѣ и оставили свои слѣды въ различныхъ святилищахъ и связанныхъ съ ними божьихъ именахъ».

Городъ обязанъ былъ своимъ возникновеніемъ, говоритъ тотъ же ученый, безъ сомнѣнія своему святилищу, которое въ свою очередь основалось на этомъ мѣстѣ, вѣроятно благодаря источнику Земземъ.—Хотя мусульманское преданіе преувеличиваетъ *исключительное* значеніе Каабы, но во всякомъ случаѣ почитаніе этой древней святыни было широко распространено, и о ея значеніи свидѣтельствуютъ уже обширные размѣры священной ограды *(харамъ)*. Мекка и ея окрестности были мѣстомъ паломничества въ великій годовой праздникъ (хаджъ) въ священные мѣсяцы перемирія для аравійскихъ племенъ. Съ религіознымъ движеніемъ толпы соединялись, какъ всегда бываетъ, соціальныя и торговыя сношенія. Къ хаджу пріурочивались ярмарки въ ближнихъ къ Меккѣ мѣстечкахъ (Указъ, Мина и др.), но главное значеніе оставалось за Меккой какъ самымъ большимъ городомъ во всемъ полуостровѣ. Раньше Ислама меккійскій календарь уже былъ принятъ въ большей части Аравіи.

Понятно, что корейшиты не мирились съ потерей своего преобладанія въ Меккѣ, и святилище мира сдѣлалось яблокомъ раздора для двухъ племенъ. Наконецъ въ V вѣкѣ, по преданію, одинъ изъ предковъ Мухаммеда сумѣлъ вернуть своему роду хозяйскія права надъ Каабой тѣмъ же способомъ, какимъ его древній родичъ Израиль пріобрѣлъ права первородства отъ своего простодушнаго брата.

Лѣтъ за полтораста до Мухаммеда между племенами, переселившимися изъ Іемена въ сѣверную Аравію, было небольшое племя Озра, поселившееся недалеко отъ Ятриба (Медины). «Какъ-то спрашивали одного бедуина: какого ты племени?»—«Я—изъ тѣхъ людей, отвѣчалъ онъ, которые умираютъ, когда любятъ». Слышавшая это женщина воскликнула: «онъ Озритъ, клянусь Богомъ!»—Ибо Бену-Озра, замѣчаетъ арабскій историкъ, славятся по всей Аравіи своею безмѣрною страстностью въ любви». Изъ этого племени одна дѣвушка Фатима вышла замужъ за корейшита Килаба и родила въ Меккѣ двухъ сыновей. Вскорѣ овдовѣвши, она вернулась съ млад-

шимъ сыномъ къ своему племени въ Ятрибъ, вышла тамъ вторично замужъ за соплеменника и родила ему сына Ризаха, который и воспитывался вмѣстѣ съ братомъ своимъ. Этотъ послѣдній, какъ приведенный изъ другого племени, получилъ между озритами прозваніе Косай, что̀ значитъ выходецъ; съ этимъ названіемъ онъ и остался въ исторіи.

Нѣкоторые новѣйшіе историки (между прочимъ и Авг. Мюллеръ) не считаютъ Косая историческимъ лицомъ, не приводя однако убѣдительныхъ основаній для своего скептическаго взгляда, съ которымъ я позволю себѣ не согласиться. Дѣда Мухаммедова Мутталиба тѣ же ученые не признаютъ миѳомъ, а вѣдь этотъ историческій дѣдъ только двумя поколѣніями былъ отдѣленъ отъ предполагаемаго миѳологическаго Косая. Хотя нѣтъ закона, опредѣляющаго, на какой степени восходящаго родства наши дѣйствительные предки превращаются въ миѳы, однако можно принять за общее правило, что увѣковѣченный въ народной памяти *прадѣдъ* историческаго лица не можетъ считаться чистымъ миѳомъ.

Достигши зрѣлаго возраста, Косай вернулся въ домъ отца своего въ Мекку, но и оттуда поддерживалъ добрыя сношенія съ племенемъ матери и вотчима. Въ Меккѣ въ то время старѣйшимъ вождемъ хозаитовъ, владѣвшихъ Каабой, былъ Холейль, у котораго въ рукахъ находились и ключи отъ святилища. Косай съ нимъ сошелся и женился на его дочери. Онъ надѣялся, что тесть усыновитъ его и передастъ ему ключи Каабы, но тотъ, хотя при жизни позволялъ ему иногда замѣщать себя въ священной должности, однако опасался обидѣть соплеменниковъ, и, умирая, передалъ ключи старѣйшему изъ Бену-Хозаа, — Абу-Губшану. Но Косай не отказался отъ своего намѣренія и рѣшился для исполненія его воспользоваться слабостью соперника. Однажды онъ напоилъ Абу-Губшана пьянымъ, и когда тотъ въ полусознательномъ состояніи сталъ требовать еще пить, Косай предложилъ ему мѣхъ съ виномъ въ обмѣнъ за ключи отъ Каабы, на что тотъ охотно согласился. Съ тѣхъ поръ и до сего дня всякая сдѣлка, въ которой кто-нибудь сильно одураченъ, называется у арабовъ торгомъ Абу-Губшана, а чтобы выразить крайнюю степень слабоумія говорятъ: «онъ глупѣе, чѣмъ Абу-Губшанъ».

Однако хозаиты не хотѣли быть жертвой этой образцовой глупости своего соплеменника и подняли оружіе въ защиту своихъ правъ. Чтобы обезпечить себѣ побѣду, Косай обратился въ Ятрибъ къ сводному брату своему Ризаху, который привелъ ему на помощь всѣхъ Бену-Озра. Соединившись съ ними, корейшиты одо-

лѣли хозаитовъ, и Косай сталъ общепризнаннымъ управителемъ Каабы. Онъ благоустроилъ святилище, учредилъ священное знамя (ливà), священный налогъ (рифадé) и разныя должности, связанныя съ потребностями безчисленныхъ богомольцевъ во время сборныхъ празднествъ (правильное распредѣленіе воды, распоряженіе процессіями и т. п.). Этотъ Сеидъ Косай, утвердившій въ Меккѣ власть корейшитовъ, родилъ трехъ сыновей, изъ коихъ младшій былъ Абд-Менафъ, а отъ Абд-Менафа въ пятомъ поколѣніи произошелъ Мухаммедъ *), сокрушившій свой родъ и племя, но давшій силу и единство всѣмъ аравійскимъ племенамъ, а чрезъ нихъ и множеству другихъ народовъ Азіи и Африки.

ГЛАВА II.

Ранніе годы Мухаммеда, его религіозное призваніе.

Отецъ Мухаммеда умеръ за два мѣсяца до его рожденія, а мать, когда ему было шесть лѣтъ. Воспитывалъ его сначала дѣдъ Абд-эль-Мутталибъ, а потомъ — дядя Абу-Та́либъ, котораго онъ еще въ отрочествѣ сопровождалъ въ Сирію (по торговымъ дѣламъ), и тамъ въ Босрѣ, по преданію, одинъ несторіанскій монахъ, по имени Бахира, предсказалъ ему великую судьбу. Въ 584 г., во время войны между корейшитами и Бену-Хавазинъ, онъ сопровождалъ своихъ дядей въ сраженіи при Нахлѣ и поднималъ для нихъ падавшія стрѣлы. Ро-

*) Вотъ традиціонная генеалогія Мухаммеда:

Косай
|
Абд-Менафъ
|
Хашимъ
|
Абд-эль-Мутталибъ
|
Абдалла
|
Мухаммедъ.

Впрочемъ, руководствуясь извѣстнымъ гиперкритическимъ методомъ, необходимо даже отца и мать Мухаммеда признать миѳами. Имя отца его означаетъ *служитель Божій*, а имя матери, Амина, значитъ *вѣрная* — не явно ли здѣсь аллегорическое олицетвореніе главныхъ свойствъ будущаго основателя мусульманства?

дители Мухаммеда, хотя принадлежали къ господствовавшему роду, были бѣдны и не оставили ему никакого состоянія. До 24-хъ лѣтняго возраста онъ былъ въ услуженіи у своихъ дядьевъ, пасъ ихъ стада или же исполнялъ должность погонщика верблюдовъ. Не смотря на такое незначительное положеніе, онъ сталъ извѣстенъ своими способностями и честностью и получилъ прозваніе *эль-амина*, что значитъ вѣрный. Въ 594 г. богатая вдова (отъ двухъ мужей) Хадиджа, дальняя родственница Мухаммеда (дочь Ховейлида, внука Абд-Менафова), обратила на него вниманіе и сдѣлала своимъ приказчикомъ. Онъ съ успѣхомъ водилъ ея караванъ въ Сирію, и въ слѣдующемъ году она вышла за него замужъ. Ей было сорокъ лѣтъ, ему — двадцать пять. Бракъ ихъ былъ вполнѣ счастливъ, хотя не далъ Мухаммеду мужского потомства; три сына, рожденные ему Хадиджей, умерли въ дѣтствѣ, дочери же — Зейнабъ, Рокайя, Омм-Кольсумъ и Фатима остались въ живыхъ и впослѣдствіи сдѣлались мусульманками. Когда родилась послѣдняя дочь, Хадиджѣ былъ уже 51 годъ; она послѣ того прожила еще 13 лѣтъ, и Мухаммедъ все время былъ ей вѣренъ; нѣтъ также вѣроятія, чтобы до брака съ нею онъ зналъ женщинъ. Такимъ образомъ неумѣренность въ чувственной любви, которую обыкновенно ставятъ въ вину Мухаммеду, относится исключительно къ его старости и должна быть приписана скорѣе прежнему воздержанію, нежели порочнымъ нравамъ. Оправданіе старческихъ слабостей Мухаммеда и вмѣстѣ съ тѣмъ объясненіе его тридцатилѣтней добродѣтельной жизни можно найти въ его собственномъ, очевидно искреннемъ, заявленіи: «болѣе всего на землѣ я любилъ женщинъ и ароматы, но полное наслажденіе находилъ всегда только въ молитвѣ».

Сила духа, обнаруживаемая человѣкомъ, находится въ прямомъ отношеніи съ силой тѣхъ низшихъ душевныхъ страстей, которыя онъ побораетъ въ себѣ. Великая сила, обнаруженная Мухаммедомъ въ его историческомъ дѣлѣ, питалась его сдерживаемою страстностью. Еслибы онъ сдерживалъ ее всегда и во всемъ, онъ былъ бы совершеннымъ человѣкомъ, какимъ онъ не былъ и быть не могъ. Онъ не имѣлъ и притязанія на такое совершенство, а потому вполнѣ несправедливо осуждать его за человѣческія слабости, которыя онъ не скрывалъ. Точно такъ же несправедливо ставить вопросъ, въ какой мѣрѣ онъ былъ истиннымъ и въ какой — ложнымъ пророкомъ, несправедливо уже потому, что онъ вовсе не выдавалъ себя за пророка въ общепринятомъ теперь смыслѣ этого слова. Названіе *ресул-аллахъ*, которое обыкновенно дается Мухаммеду имъ самимъ и его послѣдователями, значитъ *посланникъ*

Божій, т. е. человѣкъ, получившій порученіе, миссію отъ Бога. Миссія эта состояла только въ томъ, чтобы *проповѣдывать арабамъ единство и праведность Божію, различіе добра и зла и будущій судъ.* Какъ Мухаммедъ вѣрно и успѣшно исполнялъ торговыя порученія, которыя ему давали сначала дядья, а потомъ Хадиджа, такъ же вѣрно и успѣшно исполнилъ онъ и то порученіе, которое онъ, по своему убѣжденію, получилъ отъ Бога. А на какую-нибудь высшую задачу, требующую чудесныхъ даровъ и полнаго нравственнаго совершенства, онъ не только не заявлялъ притязаній, но прямо и много разъ утверждалъ, что никакой подобной задачи не имѣетъ. Послѣ этого называть его обманщикомъ или лжепророкомъ есть верхъ несправедливости.

Но имѣлъ ли Мухаммедъ дѣйствительно ту миссію, которую себѣ присвоивалъ? Если видѣть во всемірной исторіи дѣло случая, результатъ внѣшняго механическаго сцѣпленія мелкихъ фактовъ, тогда конечно Мухаммедъ не имѣлъ никакой миссіи, но единственно только потому, что съ этой точки зрѣнія вообще никто никакой миссіи имѣть не можетъ. Если же признавать въ исторіи внутренній смыслъ и цѣлесообразность, тогда безъ сомнѣнія такое огромное міровое дѣло, какъ созданіе Ислама и основаніе мусульманской культуры, должно имѣть провиденціальное значеніе, и миссія Мухаммеда не можетъ быть отнята у него; а способъ, какимъ онъ, по собственному своему свидѣтельству, получилъ ее (см. ниже), совершенно согласуется съ психологическимъ опытомъ и историческими аналогіями.

Чтобы получить историческую миссію въ какомъ-нибудь дѣлѣ, необходимо прежде всего имѣть прирожденное дарованіе или особенную способность именно къ этому дѣлу. Хотя религія назначается для всѣхъ, но не черезъ всякаго религіозныя идеи открываются и вводятся въ сознаніе и жизнь человѣчества. Для дѣятельной роли въ религіозной исторіи такъ же необходимо призваніе, вдохновеніе, геній, какъ и для того, чтобы совершить что-нибудь великое въ области науки, искусства, политики. У Мухаммеда несомнѣнно былъ спеціальный религіозный геній. Еслибы мы никогда не читали Корана и не знали, что Мухаммедъ связалъ прочнымъ религіознымъ единствомъ добрую треть историческаго человѣчества, то его признаніе, что при сильно развитой чувственности онъ всегда находилъ настоящее наслажденіе только въ молитвѣ, было бы совершенно достаточно, чтобы мы сказали: вотъ человѣкъ геніальный въ области религіи. Эта религіозная геніальность была производящей причиной Ислама, ибо, благодаря ей, Мухаммедъ *не*

могъ удовлетвориться старой религіей своихъ соплеменниковъ и *могъ* дать имъ новую. Разумѣется, одной этой производящей причины самой по себѣ недостаточно; конечно, религіозный геній Мухаммеда хотя проявился бы какъ-нибудь при всякихъ обстоятельствахъ, но для того, чтобы онъ произвелъ именно *это* дѣйствіе (созданіе Ислама), необходимо было *стеченіе* многихъ независимыхъ отъ него опредѣляющихъ условій и факторовъ — въ чемъ именно и состоитъ провиденціальный характеръ историческаго дѣла.

Религіей, по несомнѣнному общему смыслу, независимо отъ сомнительной этимологіи, мы называемъ то, что, во-первыхъ, связываетъ человѣка съ Богомъ, а во-вторыхъ, въ силу этой первой связи, соединяетъ людей между собою. Мухаммедъ зналъ три религіи: національную религію арабовъ, имѣвшую свое срединное святилище въ его родномъ городѣ Меккѣ; религію Моисееву — отъ евреевъ Медины, и религію христіанскую—преимущественно отъ монаховъ, съ которыми встрѣчался во время своихъ путешествій въ Сирію, а также отъ эѳіоплянъ, заходившихъ въ Мекку изъ Іемена. (Упоминаемая въ Коранѣ религія сабіевъ или крестильниковъ была лишь гностическо-христіанской сектой. Остатки этихъ сабіевъ существуютъ и нынѣ въ Месопотаміи, и извѣстны подъ именемъ мандейцевъ). Національная религія арабовъ была въ состояніи смѣшенія и разложенія. Первобытный натурализмъ мѣстныхъ культовъ, пріуроченныхъ главнымъ образомъ къ священнымъ камнямъ и деревьямъ, терялъ свою живую силу надъ умами по мѣрѣ возвышенія племенъ надъ дикимъ состояніемъ и по мѣрѣ развивавшагося между ними взаимодѣйствія. Знакомствомъ съ чужими богами естественно подрывалось исключительное значеніе своего собственнаго. Самое понятіе Божества хотя начинало сознаваться въ своей общности, но лишь смутнымъ и неопредѣленнымъ образомъ. Для его обозначенія у арабовъ искони существовало слово *Аллахъ* общаго семитическаго корня (иль, эль и т. д.), но съ этими словами кромѣ понятія о божествѣ вообще соединялось также и представленіе объ особомъ главномъ богѣ—владыкѣ Каабы.

Божество представлялось внѣшними матеріальными предметами—естественными и искусственными идолами, хотя конечно не совпадало съ ними, а богопочитаніе состояло единственно изъ внѣшнихъ дѣйствій, оргій и жертвоприношеній; были въ употребленіи и человѣческія жертвоприношенія—военноплѣнныхъ и дѣтей. Господствовавшій обычай, требовавшій, чтобы родители умерщвляли дѣтей женскаго пола (если ихъ было много), закапывая ихъ живыми въ землю, по всей вѣроятности былъ также связанъ рели-

гіознымъ культомъ (хотя нѣкоторые родители просто не хотѣли имѣть дочерей и закапывали всѣхъ до одной). Духи умершихъ, особенно убитыхъ, требовали человѣческихъ жертвоприношеній. Мусульманскіе историки разсказываютъ между прочимъ, что въ битвѣ при Бедрѣ Хабибъ убилъ Хариса, потомъ (въ битвѣ при Оходѣ) попался въ плѣнъ и былъ проданъ дѣтямъ Хариса, которые сочли своей обязанностью принести его въ жертву духу убитаго отца.

Такое богопочитаніе не устанавливало никакой связи между человѣкомъ и божествомъ и не могло удовлетворять религіозное чувство. Такъ же мало оно могло служить къ нравственному и соціальному объединенію людей. Собраніе людей разныхъ племенъ вокругъ Каабы во время Хаджа имѣло конечно важное значеніе, поскольку оно знакомило ихъ другъ съ другомъ, расширяло ихъ умственный кругозоръ и представляло каждому наглядным образомъ идею національнаго единства. Но для осуществленія на дѣлѣ этого единства такой внѣшній способъ былъ конечно недостаточенъ. Какъ изъ помѣщенія многихъ идоловъ въ одномъ огороженномъ пространствѣ не выходило одной религіи, такъ и временное собраніе всѣхъ арабскихъ племенъ около этой ограды для наружнаго поклоненія этимъ пестрымъ богамъ и для торговыхъ сдѣлокъ не создавало изъ этихъ племенъ одного соціальнаго цѣлаго. Священные мѣсяцы проходили, и жестокія распри съ убійствами и грабежами возобновлялись съ прежней силой, и долгъ кровавой мести изъ рода въ родъ оставался отличительной чертой арабскихъ нравовъ и единственнымъ общепризнаннымъ закономъ арабской жизни.

ГЛАВА III.

Религіозныя вліянія.—Ханифы.

Національная религія арабовъ ко времени появленія Мухаммеда частью утратила всякій смыслъ, насколько въ ней содержались миѳологическія представленія, неясныя для народа, уже вышедшаго изъ миѳологическаго возраста, частью же — въ своемъ культѣ сохраняла смыслъ безнравственный, состояла въ освященіи и возбужденіи дурныхъ влеченій, особенно кровожадности—въ человѣческихъ жертвоприношеніяхъ.

Между тѣмъ сѣверные арабы не даромъ вели свое происхожденіе отъ отца вѣрующихъ. Ихъ лирическая поэзія, роскошно рас-

цвѣтшая въ первые вѣка нашей эры, показываетъ сильное развитіе внутренняго индивидуальнаго чувства, напряженность личной душевной жизни, которая не могла удовлетворяться ни одной внѣшней обрядностью, ни погруженіемъ въ низшую чувственность. За отсутствіемъ религіозныхъ мотивовъ въ національной жизни, эта поэзія воспѣваетъ любовь и подвиги мужества въ междоусобныхъ войнахъ племенъ и родовъ. Но въ эти человѣческія отношенія, вдохновлявшія ихъ поэзію, арабы вкладывали такую напряженность и экзальтацію внутренняго чувства, въ которой уже можно было предвидѣть ихъ религіозное будущее. Достаточно вспомнить, что про цѣлое племя Бену-Озра сложилась пословица, что они умираютъ, когда любятъ.

Безграничная преданность въ любви и дружбѣ, вѣрность долгу (преимущественно долгу кровавой родовой мести), мужество въ борьбѣ съ внѣшними опасностями (воспитанное кочевой жизнью въ пустынѣ) и страсть къ смѣлымъ подвигамъ (питаемая постоянными междоусобіями),—вотъ главныя положительныя черты арабскаго національнаго характера, выражающія рѣшительное преобладаніе въ немъ субъективной, личной стороны духа. Этимъ положительнымъ чертамъ вполнѣ соотвѣтствуютъ и отрицательныя: равнодушіе къ объективной истинѣ, какъ таковой, къ истинѣ внѣшняго факта, затѣмъ сварливость и наконецъ то упрямство, о которомъ свидѣтельствуетъ Мухаммедъ въ Коранѣ: «Арабы пустыни самые упрямые въ невѣріи и обманѣ». (Сура IX, 98).

Если этотъ и въ недостаткахъ своихъ сильный народъ несомнѣнно переросъ свою традиціонную религію, то онъ, съ другой стороны, былъ мало способенъ къ принятію христіанства, особенно въ томъ видѣ, въ какомъ оно было для него доступно. Напряженная энергія субъективнаго духа, повышенное самочувствіе и самоутвержденіе личности несовмѣстимы ни съ созерцательнымъ аскетизмомъ, ни со вкусомъ къ художественной обрядности, ни съ пониманіемъ трансцендентныхъ богословскихъ умозрѣній, ни съ подчиненіемъ сложному іерархическому порядку. Между тѣмъ всѣ эти хотя необходимые, но все-таки второстепенные, производные факторы истинной религіи былй уже слишкомъ на виду въ христіанствѣ VI вѣка и закрывали для простого взгляда внутреннюю субъективную сущность Евангелія—личное жизненное единеніе возрождающагося человѣка съ вочеловѣчившимся Богомъ-Спасителемъ. Это собственно-христіанское начало богочеловѣчности—воплощеннаго Бога и обожествляемаго человѣка—было *въ отвлеченной идеѣ* недоступно арабскому уму, а цѣльнаго, конкретнаго осуществленія этой идеи

онъ не видѣлъ въ извѣстномъ ему христіанствѣ. Не нужно также забывать, что арабы Хиджаза почти не имѣли дѣла съ православнымъ христіанствомъ, и сталкивались главнымъ образомъ съ еретиками: монофизитами и несторіанами, а у этихъ христіанъ сама основная идея христіанства (совершенное соединеніе божества и человѣчества) подверглась существенному искаженію. Внутреннее родство мусульманства съ христіанскими ересями несомнѣнно. Внѣшняя историческая связь издавна признавалась, хотя не можетъ быть доказана. Еще въ XV вѣкѣ Николай Кузанскій (de cribratione Alchoran) утверждалъ, что Мухаммедъ принялъ христіанство отъ несторіанскаго монаха Сергія, проповѣдывавшаго въ Меккѣ, но потомъ былъ сбитъ съ толку евреями. Такимъ образомъ, если для чувствительнаго къ религіозной правдѣ араба его національные культы были слишкомъ низменны, то христіанство было для него слишкомъ сложно, слишкомъ загромождено чуждыми для непосредственнаго чувства объективными наслоеніями догматическими, обрядовыми, іерархическими.

Между тѣмъ преданіе единобожной религіи, связанной съ именами Авраама и Измаила, повидимому никогда не исчезало на арабской почвѣ. Кромѣ библейскаго Іова, который по всей вѣроятности принадлежитъ Аравіи, въ Коранѣ часто упоминаются пророки или посланники единаго истиннаго Бога, проповѣдывавшіе Его различнымъ аравійскимъ племенамъ, погибшимъ впослѣдствіи за непослушаніе этой проповѣди. Такъ, у мидіанитовъ былъ пророкъ Шоаибъ, у темудитовъ—Салихъ и у адитовъ—Худъ. Совершенно отвергать эти извѣстія и считать эти лица и племена чистыми вымыслами кажется нѣтъ достаточныхъ основаній. Какъ бы то ни было, понятіе объ единомъ истинномъ Богѣ и о необходимости чистаго служенія Ему существовало раньше Мухаммеда и между тѣми арабами, которые не принимали еврейства и христіанства. Такіе люди для приверженцевъ національной религіи были отдѣлившимися, отщепенцами или, по арабски, *ханифами* (слово приблизительно равнозначительное нашему *еретикъ*). Но таково было внутреннее влеченіе арабскаго духа къ монотеизму, что это слово скоро утратило свой порицательный смыслъ и стало обозначать послѣдователя древней вѣры Авраамовой и Измаиловой. Въ этомъ смыслѣ и Мухаммедъ называетъ себя ханифомъ.

Чѣмъ живѣе пробуждалось у лучшихъ арабовъ религіозное сознаніе, тѣмъ менѣе могли они удовлетворяться отвлеченнымъ понятіемъ единобожія безъ всякой конкретной формы, опредѣляющей отношеніе человѣка къ Богу. Религіозное міросозерцаніе семитовъ,

кромѣ монотеистической идеи, издревле характеризовалось идеей *пророка* или *посланника* Божія, т. е. человѣка, находящагося въ *особомъ личномъ* отношеніи къ Богу, получающаго откровеніе свыше и становящагося посредникомъ между Богомъ и людьми, которые черезъ него получаютъ священный законъ и писаніе. Для арабовъ, какъ настоящихъ семитовъ, безъ *посланника* и *книги* нѣтъ настоящей религіи. Поэтому тѣ изъ ханифовъ, которые не кончали переходомъ въ христіанство, жили ожиданіемъ новаго пророка, который дастъ арабамъ то, что евреи получили отъ Моисея и христіане—отъ Іисуса Христа. Былъ, правда, еще выходъ. Связывая свою вѣру съ Авраамомъ, можно было въ немъ видѣть своего пророка. Но вѣра Авраамова была слишкомъ обща; ее признавали и іудеи, и христіане, однако для образованія ихъ религій нужны были кромѣ Авраама и его вѣры еще особые посланники и особыя откровенія. Къ тому же Авраамъ не оставилъ по себѣ книги. А книга была такъ необходима для религіознаго сознанія арабовъ, что многіе ханифы, за неимѣніемъ подлинныхъ писаній Авраама, добывали и переводили съ халдейскаго языка на арабскій распространенные въ Сиріи и Месопотаміи апокрифическіе Авраамовы свитки (сохофъ), принадлежавшіе по всей вѣроятности къ священной литературѣ сабіевъ (крестильниковъ), упоминаемыхъ и въ Коранѣ. Но эти чужеземные апокрифы и по происхожденію, и по характеру своему могли только поддерживать, но не удовлетворять религіозную потребность ханифовъ, и ожиданіе новаго откровенія осталось въ силѣ среди избранныхъ умовъ Аравіи.

У древнѣйшаго лѣтописца мусульманства Ибн-Исхака находится слѣдующій разсказъ. «Однажды корейшиты собрались при Каабѣ вокругъ одного изъ главныхъ своихъ идоловъ, которому они приносили жертвы и передъ которымъ совѣщались о дѣлахъ своихъ. Разъ въ годъ бывало большое собраніе и большой праздникъ. И вотъ четверо мужей отдѣлились отъ прочихъ и, отойдя въ сторону, тайно сообщили другъ другу свои мысли. Это были: Варака, сынъ Науфала, сына Асадова, племянникъ Хадиджи, первой жены Мухаммеда; родственникъ его Османъ, сынъ Ховейриса; Убейдаллахъ, двоюродный братъ Мухаммеда, и Зейдъ, сынъ Амра. И вотъ что они говорили между собою: «Сограждане наши находятся въ заблужденіи, они извращаютъ истинную вѣру Авраамову. Доколѣ будемъ мы, какъ они, вертѣться вокругъ камня, который не видитъ и не слышитъ и не можетъ сдѣлать намъ ничего худого или добраго. Поищемъ вѣры лучшей, чѣмъ эта». И они покинули родину свою и отправились странствовать по чужимъ краямъ, отыскивая вѣру ханифовъ, истинную вѣру Авраамову.

Изъ этихъ четырехъ трое приняли христіанство, между прочимъ и свойственникъ Мухаммеда Варака, хотя это не мѣшало ему ожидать новаго пророка для арабовъ и благосклонно отнестись къ посланничеству Мухаммеда. Четвертый, Зейдъ, не нашелъ удовлетворенія и въ христіанствѣ. Онъ вернулся въ Мекку такимъ же чистымъ ханифомъ, какимъ и отправился въ свои религіозные поиски. Мухаммедъ, по преданію, часто видалъ и слушалъ его около Каабы, проповѣдывающаго противъ идолопоклонства во имя чистой вѣры Авраамовой. «Клянусь тѣмъ, въ чьихъ рукахъ жизнь моя, я одинъ изъ васъ всѣхъ держусь религіи Авраамовой». Но онъ при этомъ чистосердечно признавалъ недостаточность своей отрицательной проповѣди, и прибавлялъ: «О Аллахъ! еслибы я только зналъ, какой образъ поклоненія угоденъ тебѣ, я сейчасъ бы принялъ его; но я этого не знаю». Предпринявъ новое путешествіе въ Сирію, Зейдъ на обратномъ пути узналъ о выступленіи Мухаммеда съ проповѣдью, и спѣшилъ въ Мекку, чтобы разузнать въ чемъ дѣло, но на границѣ Хиджаза былъ убитъ разбойниками. Свои религіозные взгляды Зейдъ выражалъ не только въ бесѣдахъ, но и въ стихотвореніяхъ, сохраненныхъ арабскими историками; онъ обличалъ въ этихъ стихахъ ложь идолопоклонства и проповѣдывалъ единаго, праведнаго и милосерднаго Бога. Мухаммедъ очень высоко цѣнилъ его и однажды сказалъ (по преданію), что въ день великаго собранія (т. е. на страшномъ судѣ) Зейдъ Ибн-Амръ одинъ составитъ цѣлую церковь.

ГЛАВА IV.

Порученіе проповѣдывать.

Мухаммеду минуло сорокъ лѣтъ. Личная жизнь его была все время вполнѣ благополучна. Жена его Хадиджа, обладавшая, какъ видно, необычайными силами духовными и тѣлесными, пользовалась, несмотря на свои лѣта, всею прежнею его привязанностью. Старшая дочь его была уже замужемъ, вторая помолвлена, а отсутствіе мужского потомства было возмѣщено усыновленіемъ двухъ молодыхъ людей, безгранично ему преданныхъ; это были: Али, сынъ его дяди и покровителя Абу-Талиба, и Зейдъ Ибн-Харисъ, невольникъ христіанскаго происхожденія, которому онъ далъ свободу, а потомъ и усыновилъ. Всѣ близкіе любили Мухаммеда, сограждане уважали его за честность и благочестіе; богатство жены избавляло

его отъ матеріальныхъ заботъ, и онъ могъ бы жить спокойно и счастливо, еслибы не заговорило въ немъ его религіозное призваніе. По преданію, еще въ первой молодости онъ ежегодно уходилъ на мѣсяцъ въ пустынныя горы Хира́, недалеко отъ Мекки, и тамъ отдавался уединеннымъ размышленіямъ. Его умъ перерабатывалъ и усвоивалъ себѣ тѣ духовныя вліянія, которыя онъ въ обычной жизни получалъ отъ евреевъ, христіанъ и ханифовъ. Въ немъ выростало и укрѣплялось сознаніе, что боги его народа суть бездушные и безсильные идолы, а что истинный Богъ одинъ надъ всѣми и для всѣхъ, что этотъ Богъ, котораго нѣкогда въ этой самой Меккѣ исповѣдывалъ праотецъ Авраамъ, открывалъ потомъ свою истину и свою волю разнымъ народамъ черезъ разныхъ пророковъ, но что арабы не знали Его потому, что забыли вѣру Авраамову и не являлось среди нихъ посланника Божія, который напомнилъ бы имъ и возстановилъ ее. Послѣ того какъ Мухаммедъ внутренно убѣдился въ теоретической истинѣ единобожія, для него оставались неразрѣшенными два практическіе жизненные вопроса: 1) что долженъ онъ дѣлать, чтобы угодить единому, истинному Богу, какъ или чѣмъ онъ долженъ служить Ему? и 2) какъ помочь арабамъ, погрязающимъ въ заблужденіи? Оба эти вопроса разрѣшались однимъ и тѣмъ же словомъ—*проповѣдь*; но Мухаммедъ эль-Аминъ былъ только честный арабскій купецъ, ничего не знавшій объ автономной нравственности и категорическомъ императивѣ. Увѣровавши въ живого Бога, онъ относился и къ Нему такъ же, какъ, будучи приказчикомъ, относился къ своимъ хозяевамъ. Проповѣдываніе людямъ истинной вѣры было дѣломъ Божіимъ, которое Аллахъ *поручалъ* своимъ избранникамъ, какъ хозяинъ поручаетъ довѣренному приказчику доставить свой караванъ по назначенію. Мухаммедъ не могъ брать на себя дѣла Божія, пока оно не было ему поручено самимъ Богомъ. И вотъ, съ неудовлетвореннымъ нравственнымъ стремленіемъ и неутоленной жаждой религіознаго дѣла, тоскливо бродилъ онъ въ пустынныхъ ущельяхъ Хира́.

Въ мѣсяцъ Рамаданъ 610 (а можетъ быть 612) года, во время своего ежегоднаго отшельничества, зашелъ онъ въ пещеру и, утомленный долгими и безплодными размышленіями, легъ и заснулъ. То, что произошло съ нимъ въ эту ночь въ пещерѣ, было потомъ разукрашено всяческими легендами; но вотъ его собственный простой разсказъ, сохраненный въ одномъ изъ преданій и отчасти засвидѣтельствованный Кораномъ. «Вдругъ я почувствовалъ во снѣ, что кто-то приблизился ко мнѣ и сказалъ: *читай!* Я отвѣчалъ: *нѣтъ!* Тогда тотъ сдавилъ меня такъ, что я думалъ, что умираю,

и повторилъ: *читай!* Я опять отказался и опять явившійся сдавилъ меня, и я услышалъ слова: «*Читай во имя Господа твоего, который созидаетъ—созидаетъ человѣка изъ кровяного сгустка. Читай: Господь твой—Онъ милосердный—даетъ знать черезъ писчую трость, даетъ знать человѣку то, чего онъ не зналъ*» (Сура XCVI, 1—5). Когда я это прочелъ, явленіе отступило отъ меня, и я проснулся. И я чувствовалъ, что эти слова написаны въ сердцѣ моемъ».

Мухаммедъ вернулся домой внѣ себя. Хадиджа съ полнымъ вниманіемъ и довѣріемъ выслушала его разсказъ, а родственникъ ея Варака, котораго она позвала по этому случаю, сказалъ: «если это правда, Хадиджа, то значитъ на него сошелъ великій Намусъ, сходившій нѣкогда на Моисея, и тогда значитъ онъ пророкъ нашего народа» *).

Послѣ этого съ Мухаммедомъ нѣсколько недѣль не было ничего особеннаго, но онъ видимо чего-то ждалъ, ибо снова отправился въ пустыню ранѣе обычнаго срока. Пробродивъ понапрасну въ горахъ, онъ впалъ въ страшное томленіе и готовъ былъ броситься съ высокой скалы, чтобы избавиться отъ давившей его тоски. Тутъ вдругъ какое-то чудесное сіяніе озарило его, и онъ почувствовалъ полную увѣренность и спокойствіе въ душѣ. Но тѣло его изнемогало, и онъ вернулся домой въ сильной лихорадкѣ. Онъ удалился въ садовую бесѣдку и, попросивши, чтобы его завернули въ плащъ, легъ на полъ и тутъ въ сильномъ нервномъ припадкѣ (по ходячему мнѣнію—эпилептическомъ) услышалъ слѣдующія слова: «*Ты, завернутый въ плащъ! Вставай! Проповѣдуй Господа твоего! прославляй Его! Одежды твои—очисти ихъ! Нечистоты—избѣгай ея! Не будь добръ изъ своекорыстія —и Господа твоего—крѣпко держись Его!*» (Сура LXXIV, 1—7).

Послѣ этого второго откровенія Мухаммедъ болѣе не колебался признать себя посланникомъ Божіимъ и принять порученіе свыше—проповѣдывать арабамъ истинную вѣру и обличать ихъ заблужденія.

Эти два первыя откровенія важны не по своему содержанію, которое очень обще и бѣдно, а потому, что въ нихъ обнаружилась для

*) Отъ сближенія этого Намусъ съ греческимъ Νόμος (въ смыслѣ олицетворенія божественнаго *закона*) повидимому приходится отказаться. На самомъ дѣлѣ это есть по всей вѣроятности терминъ изъ языка и религіи халдейскихъ сабіевъ или мандеевъ, обозначающій особое проявленіе Духа Божія. См. изслѣдованіе *Брандта* о мандейской религіи.

Мухаммеда особая личная связь его съ Богомъ, установился фактъ его посланничества. А разъ этотъ фактъ былъ для него внѣ сомнѣнія, то впослѣдствіи всякій приливъ вдохновенія, всякое внутреннее побужденіе къ религіозной проповѣди, хотя и не сопровождавшееся никакими особенными явленіями въ области внѣшнихъ чувствъ и тѣлесной жизни, Мухаммедъ могъ совершенно искренно и добросовѣстно принимать за божественное внушеніе. А что тѣ первыя явленія не были измышлены Мухаммедомъ, а произошли дѣйствительно, это доказывается, во-первыхъ, произведеннымъ ими дѣйствіемъ, а во-вторыхъ, простотой и реальностью въ разсказѣ Мухаммеда. «Еслибы онъ былъ шарлатаномъ», справедливо замѣчаетъ Августъ Мюллеръ, «то онъ не преминулъ бы сочинить побольше яркихъ и опредѣленныхъ описаній происшедшаго съ нимъ явленія, говорилъ бы о какомъ-нибудь ангелѣ съ крыльями и т. д. Между тѣмъ не только непосредственно послѣ своихъ припадковъ, но и впослѣдствіи, вспоминая о нихъ и настаивая на ихъ истинности въ виду враждебнаго отношенія къ его проповѣди со стороны корейшитовъ, по поводу новаго посѣтившаго его видѣнія, Мухаммедъ не уснащаетъ факта никакими живописными подробностями. Вотъ какъ онъ говоритъ о немъ въ Сурѣ LIII (слѣдую нѣмецкому переводу помянутаго ученаго): «Воистину то было небесное откровеніе. Онъ самъ научилъ земляка вашего.—Онъ, сильный крѣпостью, Онъ, могучій. Тогда всталъ Онъ, какъ былъ Онъ, на небѣ небесъ. Потомъ сходилъ онъ ближе и ближе, пока не сошелъ на два выстрѣла изъ лука или еще ближе. И открылъ онъ слугѣ своему откровеніе,—не солгало сердце, что видѣлъ онъ. Или вы теперь спорите, что видѣлъ онъ? Уже видѣлъ онъ Его однажды нисходящимъ—у дерева въ концѣ сада — тамъ садъ отдохновенія—тогда дерево было покрыто листвою—не уклонялся въ сторону и не отвращался глазъ его (т. е. Мухаммеда)—воистину изъ чудесъ Господа своего величайшее увидѣлъ онъ».

ГЛАВА V.

Сущность Ислама. — Вѣра Авраамова. — Отношеніе къ другимъ монотеистическимъ религіямъ.

Хотя Мухаммедъ придавалъ важность и чувственнымъ явленіямъ, сопровождавшимъ полученіе имъ божественнаго откровенія, — существеннымъ для него было конечно самое это откровеніе, то есть

Коранъ. Коранъ собственно значитъ *чтеніе;* но это чтеніе было первоначально внутреннимъ, сердечнымъ воспріятіемъ божественныхъ глаголовъ, которые Мухаммедъ затѣмъ (иногда нѣсколько времени спустя) произносилъ вслухъ и диктовалъ своимъ близкимъ. Хотя Коранъ съ самаго начала представляется Мухаммедомъ какъ книга, но эта книга не похожа на обыкновенныя писанія — дѣло рукъ человѣческихъ; она существуетъ на небѣ и оттуда сообщена пророку: «Воистину Твой Богъ Властитель, Милосердый. Эта книга воистину идетъ отъ Владыки міровъ. Вѣрный духъ принесъ ее съ неба. *Онъ положилъ ее на сердце тебѣ*, чтобы ты былъ посланникомъ. Она изложена по-арабски и слогъ ея чистъ. Книги священныя и древнія упоминаютъ о ней». (Сура XXVI, 191—196).

Такова форма откровенія по Мухаммеду. Въ чемъ же онъ полагалъ самую сущность и главное содержаніе истинной религіи?

«Скажи тѣмъ, которые станутъ спорить съ тобою: *я отдалъ сердце мое Богу*, также и тѣ, что слѣдуютъ за мною». (Сура Ш, 18).

«Скажи имъ: или мнѣ искать другого покровителя, кромѣ Бога? Онъ сотворилъ небо и землю. Онъ питаетъ и не питается. Я получилъ приказаніе—первый (изъ арабовъ)—обратиться къ Исламу и не давать равнаго Всевышнему». (Сура VI, 14).

«Авраамъ сказалъ отцу своему Азару: воздамъ ли изваяніямъ поклоненіе, подобающее единому Богу? Ты и народъ твой во мракѣ глубокомъ. Мы показали Аврааму славу неба и земли, чтобы сдѣлать вѣру его непоколебимой. Когда ночь осѣнила его, онъ увидалъ звѣзду и воскликнулъ: вотъ мой Богъ! Но звѣзда исчезла, и онъ сказалъ: я не люблю того, что исчезаетъ. Увидѣвъ восходящую луну, онъ сказалъ: вотъ мой богъ, но когда луна зашла, онъ прибавилъ: еслибы Господь не просвѣтилъ меня, я былъ бы въ заблужденіи. Когда солнце появилось на востокѣ, онъ воскликнулъ: вотъ этотъ мой богъ—онъ больше другихъ! Но когда солнце закатилось, онъ продолжалъ: народъ мой! Я не причастенъ поклоненію вашимъ божествамъ, я поднимаю чело мое къ Создателю неба и земли; почитайте Его единаго; я не съ тѣми, что причисляютъ боговъ къ Богу». (Тамъ же, 74—79).

«Они приравняли джинновъ Богу, а тѣ лишь созданія Его. Они приписываютъ Ему дѣтей въ невѣжествѣ своемъ. Хвала Богу, далече отъ него такое богохульство (тамъ же, 100).

«Если они откажутся вѣрить ученію твоему, скажи имъ: *мнѣ довольно и одного Бога.* Нѣтъ Бога, кромѣ Него; на Него возложилъ я все довѣріе свое. Онъ — владыка верховнаго престола» (Сура IX, 130).

«Если вы будете невѣрны, то Богъ все-таки останется Владыкою неба и земли. Онъ богатъ, и хвала Его въ Немъ Самомъ» (Сура IV).

«Помните вы царя, который спорилъ съ Авраамомъ о Богѣ, давшемъ царство? Мой Богъ, сказалъ Аврамъ, Тотъ, Который даетъ жизнь и смерть. — Это я, отвѣчалъ нечестивецъ, даю жизнь и смерть.—Но мой Богъ, прибавилъ Авраамъ, поднимаетъ солнце съ востока, — подними его съ запада!—Невѣрный остался въ смущеніи, ибо Всемогущій не просвѣщаетъ развратныхъ» (Сура II, 260).

«Богъ низводитъ дождь съ небесъ, и сухая земля становится плодородною,—не знакъ ли это для понимающихъ?» (Сура XVI, 67).

«Еслибы во вселенной было много боговъ, ея разрушеніе было бы близко» (Сура XXI, 11).

«Мы внушили тебѣ принять вѣру Авраама, который былъ благочестивъ и не принадлежалъ къ идолопоклонникамъ». (Сура XVI, 124).

«Онъ начало и конецъ, Онъ явный и сокрытый, знаніе Его обнимаетъ все существующее» (Сура LVII, 3).

Хотя Богъ является Мухаммеду преимущественно со стороны своего безконечнаго величія, какъ Богъ силы, какъ всемогущій Вседержитель, этимъ не устраняются и другія существенныя для религіи стороны въ понятіи Божества. Въ VI Сурѣ Аллахъ называется *Богомъ истины*, а въ XVII читаемъ: «призывайте Бога, или призывайте Милосерднаго: эти два имени одинаково прекрасны». Съ чувствомъ подавляющаго величія Божія у Мухаммеда соединялось ясное понятіе о нравственномъ характерѣ Божества, о Его правдѣ и милосердіи. Свою проповѣдь онъ начинаетъ: «во имя Бога милосерднаго, милостиваго» (*бисмъ Иллахъ эр-рахманъ эр-рахимъ*), и первая вступительная Сура есть чисто библейское славословіе: «хвала Богу, Владыкѣ міровъ, милосердному, милостивому, царю суднаго дня. Покланяемся Тебѣ, Господи, и молимъ Тебя о помощи. Направь насъ на стезю спасенія, на стезю тѣхъ, кому Ты умножилъ благодѣянія Твои, кто не заслужилъ гнѣва Твоего и сохранился отъ заблужденія».

Единствомъ Божіимъ логически требуется единство человѣчества, связаннаго съ Богомъ, то есть единство истинной религіи для всѣхъ народовъ. Открыть истину однимъ и скрыть ее отъ другихъ было бы противно правдѣ и милосердію Божію. Отсюда уже явствуетъ, что Мухаммедъ не могъ смотрѣть на Коранъ, какъ на безусловно новое откровеніе. Человѣчество, единое по происхожденію, имѣло съ самаго начала одну истинную вѣру. «Богъ всѣхъ васъ создалъ

изъ одного человѣка, и изъ него же Онъ образовалъ женщину, чтобы быть подругой ему» (Сура VII, 189). — «Первоначально всѣ люди имѣли одну вѣру. Потомъ они предались религіознымъ спорамъ» (Сура X, 20).

Когда вслѣдствіе этихъ споровъ у разныхъ народовъ возникли различныя заблужденія и ложныя религіи, Богъ каждому народу посылалъ пророка изъ среды его для возвращенія заблуждающихся къ единой истинѣ. «Всѣ народы имѣли посланниковъ (Божіихъ), судившихъ ихъ по правдѣ» (тамъ же). «Всякому народу посылали Мы посланниковъ, проповѣдывавшихъ единаго Бога и отвращавшихъ отъ тагута (идола). Нѣкоторые открыли глаза для свѣта, другіе судомъ Божіимъ остались въ ослѣпленіи» (Сура XVI, 38).

Мухаммедъ рѣшительно отклоняетъ отъ себя притязаніе быть основателемъ или первымъ провозвѣстникомъ мусульманской религіи: «Исламъ, говоритъ онъ, есть религія Ноя, Авраама, Моисея, Іисуса» (Сура XLII, 11). — «Скажи: мы вѣримъ въ Бога, въ то, что Онъ послалъ намъ, что Онъ открылъ Аврааму, Измаилу, Исааку, Іакову и двѣнадцати колѣнамъ, мы вѣримъ въ священныя книги, полученныя съ неба Моисеемъ, Іисусомъ и пророками, мы не полагаемъ между ними никакого различія — мы Ему предали себя» (Сура III, 78).

Это единство и древность Ислама заставляютъ Мухаммеда осуждать всякую религіозную исключительность и требовать *одинаковаго* признанія всѣхъ исторически-различныхъ проявленій истинной религіи. «Тѣ, говоритъ онъ, которые, возставая противъ Бога и посланниковъ Его, полагаютъ между ними различіе, вѣря одному и отвергая другого, *создаютъ себѣ произвольную вѣру*. Это невѣрные, которые будутъ наказаны. Но тѣ, которые вѣруютъ въ Бога и посланниковъ Его, *безразлично* будутъ награждены» (Сура IV, 149—150).

Такое безразличіе, относящееся собственно къ единой и истинной сущности всѣхъ монотеистическихъ религій и къ общему для всѣхъ ихъ провозвѣстниковъ факту божественнаго посланничества, не мѣшаетъ Мухаммеду относиться къ нимъ неодинаково съ другихъ точекъ зрѣнія. Прежде всего совершенно особенное значеніе долженъ былъ имѣть для него отецъ всѣхъ вѣрующихъ, Авраамъ. Его традиціоннымъ именемъ освящалась, съ одной стороны, та національно-религіозная почва, на которой возникъ Исламъ, а съ другой стороны, это имя связывало новую религію съ прочими современными Мухаммеду «народами писаній», то есть христіанами, іудеями, сабіями.

Еслибы Мухаммедъ, намѣреваясь дать арабамъ религію, имѣлъ въ виду не истину, а укрѣпленіе ихъ національной особенности, то онъ долженъ бы былъ выставить на первый планъ не Авраама, а традиціоннаго родоначальника своихъ соплеменниковъ—Измаила, представить его пророкомъ, посланнымъ спеціально для арабовъ, а самого себя—возстановителемъ религіи Измаила. Но хотя Мухаммедъ ограничивалъ — особенно сначала — свое посланничество одними арабами, считая себя имѣющимъ порученіе отъ Бога именно къ этому народу, однако самое порученіе это состояло не въ томъ, чтобы укрѣплять арабскую національность и утверждать особое для этого народа исключительно предназначенное духовное начало, а въ томъ, чтобы проповѣдывать арабамъ истину единобожія. А традиціоннымъ представителемъ этой истины въ древности былъ не Измаилъ, а Авраамъ. Авраамъ не былъ національнымъ пророкомъ, онъ не былъ посланъ спеціально къ арабамъ; они почитали его вмѣстѣ съ другими народами—съ іудеями и христіанами. Выставляя Исламъ, какъ религію Авраама, Мухаммедъ надѣялся сдѣлать свою проповѣдь убѣдительной и принятіе ея нравственно-обязательнымъ для добросовѣстныхъ послѣдователей Моисея и Христа. Онъ надѣялся согласить монотеистическія религіи между собою, возвращая ихъ къ ихъ общему источнику. Если іудеи и христіане, думалъ онъ, искренно одобряютъ вѣру Авраама и считаютъ его родоначальникомъ своей религіи, то они должны принять и его, Мухаммедову, проповѣдь, такъ какъ онъ проповѣдуетъ имъ эту самую Авраамову вѣру и ничего болѣе. «Авраамъ не былъ, читаемъ въ Коранѣ, ни іудей, ни христіанинъ,—онъ былъ правовѣрный, мусульманинъ, поклонникъ единаго Бога. Ближе всѣхъ къ Аврааму тѣ, которые слѣдуютъ ему и этому посланнику (Мухаммеду) и вѣруютъ какъ онъ: Богъ глава вѣрующихъ» (Сура III, 60—61).

Тутъ уже Авраамъ не ставится въ ряду прочихъ пророковъ, и его религія не признается одною изъ безразлично-равныхъ формъ монотеизма, а выставляется какъ безусловная *норма* для другихъ монотеистическихъ религій. Это еще настойчивѣе подчеркивается въ Сурѣ второй, данной также въ Мединѣ, какъ и третья: «Евреи и христіане говорятъ: примите нашу вѣру, если хотите встать на пути спасенія.—Отвѣчай имъ: мы слѣдуемъ вѣрѣ Авраама, который отказался кадить идоламъ и поклонялся только единому Богу.—Скажите: мы вѣруемъ въ Бога, въ книгу (откровеніе), намъ посланную, въ то, что было открыто Аврааму, Измаилу, Исааку, Іакову и родоначальникамъ двѣнадцати колѣнъ. Мы вѣримъ ученію Моисея, Іисуса и пророковъ; мы не дѣлаемъ между

ними никакого различія, и мы Ему (Аллаху) себя предаемъ. Если христіане и евреи имѣютъ ту же вѣру, они находятся на томъ же пути; если уклоняются отъ него, то произведутъ съ тобою раздоръ, но Богъ дастъ тебѣ силу бороться съ ними, потому что Онъ слышитъ и понимаетъ все. Наша вѣра отъ Бога, и мы ей вѣрны. Кому какъ не Богу давать людямъ религіи?—Скажи имъ: станете-ли вы спорить съ нами о Богѣ? Онъ Владыка и вашъ, и нашъ. У насъ наши дѣла, у васъ—ваши, *но вѣра наша чиста*. Скажете-ли вы, что Авраамъ, Измаилъ, Исаакъ, Іаковъ и родоначальники колѣнъ Израилевыхъ были іудеи и христіане?» (Сура II, 129—134).

Выраженія: «наша вѣра отъ Бога» и «кому какъ не Богу давать людямъ религіи?» вполнѣ объясняетъ, въ какомъ смыслѣ нужно понимать признаніе Мухаммедомъ прочихъ откровеній безъ всякаго различія между ними. Всѣ эти откровенія происходятъ отъ Бога, но происходятъ *порознь*, безъ всякой генетической связи между собою; поэтому Коранъ вовсе не зависитъ отъ прежнихъ откровеній. Онъ согласенъ съ ними и подтверждаетъ ихъ, но онъ, какъ и они, посланъ *прямо* съ неба, отъ единаго Бога. «Нѣтъ Бога, кромѣ Бога живого и вѣчнаго. Онъ послалъ тебѣ книгу (откровеніе), содержащую истину, чтобы подтвердить писанія, бывшія прежде нея. Раньше ея Онъ ниспослалъ Пятикнижіе и Евангеліе для руководства людей. Нынѣ послалъ Онъ просвѣщеніе» (Сура III, 1—2).

Идея постепеннаго откровенія Божія соотвѣтственно процессу духовнаго развитія человѣчества совершенно чужда Мухаммеду. Поэтому Мухаммедъ нигдѣ не выставляетъ ученіе Корана, какъ *высшую ступень* религіознаго развитія; признаваемое имъ превосходство этого ученія, равно какъ и вѣры Авраамовой, съ которой оно безусловно тождественно, состоитъ не въ большей полнотѣ или высшемъ развитіи религіозной истины, а единственно только въ томъ, что здѣсь эта истина остается въ своей первоначальной чистотѣ и простотѣ: «наша вѣра *чиста*». Всѣ пророки получали чистую вѣру съ неба, но затѣмъ она искажалась, частью отъ дѣйствія злого духа, частью по винѣ людей: «каждый разъ какъ Мы посылали пророковъ, сатана примѣшивалъ заблужденіе къ ихъ ученію» (Сура XXII, 51).

«Мы приняли, говоритъ Аллахъ, христіанъ въ завѣтъ Свой, но они забыли часть Нашихъ заповѣдей. Мы посѣяли между ними распри и ненависть, они погаснутъ лишь въ день воскресенія. Скоро они увидятъ, что они сдѣлали» (Сура V, 17).

Впрочемъ, помимо искаженій, вносимыхъ злобою сатаны и невѣрностью людей, въ монотеистическихъ религіяхъ есть и перво-

начальныя различія, происходящія отъ самого Бога. Эти различія касаются не вѣры, а заповѣдей. Вѣра въ единаго Бога и Его праведный судъ одна и та-же во всѣхъ откровеніяхъ, но заповѣди Богъ даетъ различнымъ народамъ разныя. «Богъ могъ соединить васъ всѣхъ въ одной религіи, но Онъ хотѣлъ испытать, будете ли вы вѣрны различнымъ Его заповѣдямъ» (Сура V, 53).

Поэтому Мухаммедъ, насколько онъ оставался послѣдовательнымъ, не требовалъ отъ іудеевъ и христіанъ принятія Корана, какъ непремѣннаго условія спасенія: они обязаны только исполнять заповѣди своей религіи: «Скажи: о люди Писанія! у васъ нѣтъ никакого основанія, если вы не соблюдаете заповѣдей Божіихъ, данныхъ въ законѣ и Евангеліи. Книга (откровеніе), полученная тобою отъ Господа твоего, увеличитъ ослѣпленіе многихъ изъ нихъ; но ты не тревожься судьбою невѣрныхъ. Вѣрные іудеи, сабіи и христіане, вѣрующіе въ Бога и въ послѣдній день, и добродѣтельно живущіе, будутъ избавлены отъ страха и мученій» (Тамъ-же 72—73).

ГЛАВА VI.

Взглядъ Мухаммеда на самого себя.

Несмотря на испытанное имъ въ «благословенную ночь» и на дальнѣйшіе случаи вдохновенія и экстаза, повторявшіеся съ нимъ болѣе или менѣе сильно и явственно при возвѣщеніи другихъ главъ Корана, Мухаммедъ никогда не приписывалъ себѣ сверхчеловѣческаго достоинства и настаивалъ только на истинѣ получаемыхъ имъ свыше откровеній, не подтверждая ихъ никакими знаменіями и прорицаніями.

«Мухаммедъ только посланникъ Божій; другіе посланники ему предшествовали. Еслибы онъ умеръ или былъ убитъ, неужели вы покинете его ученіе? Ваше отступленіе повредило бы не Богу, а вамъ самимъ» (Сура III, 138).

Въ Сурѣ IV находимъ слѣдующее заявленіе объ ограниченности знанія у Мухаммеда: «Мы открыли тебѣ часть нашего посланничества; есть другая, относительно которой мы оставили тебя въ невѣдѣніи».—«Служеніе посланнаго состоитъ только въ проповѣдываніи» (Сура V).

«Я не говорилъ вамъ, что обладаю небеснымъ сокровищемъ, что знаю тайны или что я—ангелъ. Я проповѣдывалъ только то что мнѣ открыто» (Сура VI, 50).

«Еслибы будущее было мнѣ открыто, я собралъ бы себѣ сокровища и обезопасилъ бы себя отъ всякихъ ударовъ судьбы. Но я только человѣкъ, обязанный возвѣщать вѣрующимъ угрозы и обѣтованія Божіи» (Сура VII, 188).

«Я не могу ничего измѣнить,—пишу только то, что получилъ черезъ откровеніе» (Сура X, 16).

«Еслибы какая-нибудь моя заповѣдь, говорилъ Аллахъ Мухаммеду, вышла у тебя изъ памяти, или еслибы у тебя требовали, чтобы ты открылъ сокровища, или чтобы тебя сопровождали ангелы,—не огорчайся. Твое служеніе только въ проповѣданіи. Управленіе всѣмъ существующимъ принадлежитъ Богу» (Сура XI, 15).

«Скажи: я такой же человѣкъ, какъ вы. Я только получилъ откровеніе, что Богъ вашъ есть Богъ единый» (Сура XVIII, 110).

«И прежде тебя, говоритъ Аллахъ, Мы посылали вдохновенныхъ мужей,—спросите у людей Писанія. Мы не давали имъ призрачныхъ тѣлъ; они не оставались вѣчно на землѣ» (Сура XXI, 7—8).

«Ты не былъ съ Моисеемъ на западной сторонѣ горы, когда Мы возложили на него Наше порученіе. Ты не былъ въ числѣ свидѣтелей... Ты не былъ на склонѣ горы Синай, когда Мы призвали Моисея. Но божественное милосердіе избрало тебя проповѣдывать народу, у котораго не было прежде посланныхъ, чтобы онъ открылъ глаза для свѣта» (Сура XXVIII, 44—46).

«Скажи: я не первый изъ посланныхъ. Я не знаю, что будетъ со мною и съ вами. Я слѣдую тому, что мнѣ открыто. Мнѣ поручено только проповѣдывать». (Сура XLVI, 8).

Такъ какъ «люди писаній» были мусульманами прежде Корана (Сура XXVIII, 53), то миссія Мухаммеда къ нимъ прямо не относится; онъ посланъ къ арабамъ, не имѣвшимъ откровенія прежде него: «прежде тебя Мы не посылали имъ ни книги, ни апостоловъ» (Сура XXXIV, 43).

Коранъ есть писаніе для арабовъ; онъ не отмѣняетъ Пятикнижія и Евангелія для получившихъ эти книги, но онъ замѣняетъ ихъ для арабовъ. Религіозный законъ. остается прежній для народовъ, получившихъ писанія; и на землѣ, и въ послѣдній день каждый изъ нихъ судится своимъ пророкомъ и по своей книгѣ.

«Христіане пусть судятъ по Евангелію; кто не судитъ сообразно тому, что ниспослалъ Аллахъ, поступаетъ превратно» (Сура V, 51).

«Изъ каждаго народа мы воздвигнемъ въ этотъ (послѣдній) день видѣтеля, чтобы свидѣтельствовать противъ него: ты будешь свидѣтельствовать противъ этихъ (т. е. арабовъ)» (Сура XVI, 91).

«Покинемъ ли мы нашихъ боговъ, говорятъ они, ради безум-

наго поэта? Тотъ, кого они такъ называютъ, просвѣщенный свѣ
истины, пришелъ подтвердить посланничество пророковъ. А вы
вы испытаете жестокую казнь — воздаяніе праведное за ваши дѣ
(Сура XXXVII, 36).

ГЛАВА VII.

Первыя возраженія, встрѣченныя Мухаммедомъ.

Увѣренность Мухаммеда въ открывшейся ему религіозной истинѣ единаго, живого и праведнаго Бога и въ своемъ призваніи возвѣщать эту истину соплеменникамъ, погруженнымъ въ невѣдѣніе и нечестіе,—эта увѣренность могла только укрѣпляться отъ тѣхъ возраженій, которыя ему пришлось услышать отъ этихъ своихъ соплеменниковъ. Всѣ такія возраженія имѣли совершенно внѣшній характеръ и къ существу дѣла совсѣмъ не относились. Вотъ самое сильное изъ нихъ: «Когда убѣждаютъ невѣрныхъ принять откровеніе Божіе, они возражаютъ: *мы слѣдуемъ вѣрѣ нашихъ отцовъ*.—Должны ли они ей слѣдовать, справедливо замѣчаетъ Мухаммедъ, если отцы ихъ ходили во тьмѣ невѣдѣнія и заблужденія?» (Сура II, 165).

А что отцы дѣйствительно заблуждались,—это Мухаммедъ подтверждаетъ указаніемъ на безнравственные обычаи у арабовъ, освящавшіеся вѣрою отцовъ, въ особенности на принесеніе въ жертву дѣтей и на закапываніе въ землю новорожденныхъ дочерей «*Богъ не можетъ повелѣвать преступленій. Скажи: Богъ повелѣваетъ мнѣ правду*» (Сура VII, 27—28).

Это заявленіе, сдѣланное въ Меккѣ, выражаетъ основное религіозное настроеніе Мухаммеда и указываетъ на внутреннюю raison d'être мусульманства.

Аргументъ «отъ вѣры отцовъ» вѣроятно часто выставлялся противъ Мухаммеда, такъ какъ онъ неоднократно возвращается къ нему въ Коранѣ. Такъ въ Сурѣ XLIII, 22—23: «каждый разъ, какъ наши служители (говоритъ Аллахъ) проповѣдывали истинную вѣру въ какомъ-нибудь городѣ, старѣйшины народа держали имъ одну и ту-же рѣчь: мы слѣдуемъ вѣрѣ нашихъ отцовъ. Скажи: какъ! Даже если я приношу вамъ вѣру болѣе правую, чѣмъ вѣ вашихъ отцовъ? Но они говорили: «мы не вѣримъ твоему п ничеству».

Такъ какъ отвѣтъ Мухаммеда, что отцамъ должно сл не во всемъ, а только въ хорошемъ, былъ въ своемъ обще

янемъ смыслѣ мало доступенъ толпѣ, то Мухаммедъ даетъ ему гую, болѣе конкретную и внушительную форму, напоминающую я ангельское: *вы отца вашего діавола есте:* «когда убѣждаешь къ принять религію, посланную Богомъ съ неба, они говорятъ: ы слѣдуемъ богопочитанію нашихъ отцовъ. *Не послѣдуютъ ли они и за сатаной, когда онъ позоветъ ихъ въ вѣчный огонь?*» (Сура XXXI, 20).

Другіе столь-же естественные, но еще болѣе слабые и существу дѣла чуждые аргументы, противопоставлявшіеся Мухаммеду его невѣрующими соотечественниками (аргументы, также извѣстные намъ изъ Евангелія), состояли въ требованіи чудесъ для подтвержденія божественной миссіи и въ указаніи на внѣшнюю незначительность проповѣдника. Такіе аргументы не могли затруднить Мухаммеда. На требованіе чудесъ онъ отвѣчаетъ: «Прежніе пророки творили чудеса, а невѣрующіе ихъ все-таки убили». (Сура III, 180).

«Чудеса во власти Божіей, но Онъ ихъ не совершаетъ потому, что, и видя ихъ, вы остались бы въ невѣріи... Еслибы мы ангеловъ съ неба послали, и мертвые говорили имъ, и мы собрали бы передъ ними всѣ чудеса,—не повѣрили бы» (Сура VI, 109, 111).

«Еслибы Коранъ двигалъ горы, раздѣлялъ землю пополамъ и заставлялъ говорить мертвыхъ,—они не повѣрили бы». (Сура XIII, 30).

«Невѣрные сказали: «мы не повѣримъ твоему посланничеству, если ты не вызовешь изъ земли источника живой воды, или ручья среди сада, или если ты не опустишь свода небеснаго и не покажешь намъ открыто Бога и ангеловъ, или не построишь золотого дома, или не взойдешь на небо по лѣстницѣ. Да и тогда не повѣримъ, если не пришлешь съ неба книгу, которую мы могли бы читать. Скажи: «хвала Всевышнему! я только человѣкъ, посланный къ вамъ!» (Сура XVII, 93—96).

«Еслибы они видѣли сводъ небесный, обрушивающійся на ихъ головы, они сказали бы: «это скученныя облака» (Сура LII, 44).

Для самого Мухаммеда, если не для его невѣжественныхъ противниковъ, болѣе всего убѣдительна судьба прежнихъ проповѣдниковъ истины и народовъ, отвергавшихъ ихъ.

«И прежде тебя смѣялись надъ Нашими служителями, но выпало худо для смѣявшихся» (Сура XXI, 42).

«Каждый народъ отвергалъ посланничество посланнаго къ нему: народы погибли одинъ за другимъ. Они называли Нашихъ служителей обманщиками, и они погибли» (Сура XXIII, 46).

«Они обвиняютъ Исламъ во лжи,—они услышатъ новость, надъ которой не будутъ смѣяться» (Сура XXVI, 5).

«Когда они слышатъ божественное ученіе, они говорятъ: это простой человѣкъ. Онъ хочетъ отвратить насъ отъ вѣры отцовъ. Коранъ—это ложныя выдумки, басни. Ослѣпленные нечестіемъ, они называютъ ложью истину, которая блещетъ предъ ихъ глазами... Народы, бывшіе прежде нихъ, обвиняли въ обманѣ посланниковъ вѣры, но не получили и десятой доли того, что было имъ назначено. Они называли обманщиками посланныхъ Моихъ, но какъ ужасно было Мое мщеніе!» (Сура XXXIV, 42, 44).

Были нѣкогда въ Аравіи два идолопоклонническіе народа—Темудъ и Адъ. «Служители вѣры проповѣдывали имъ поклоненіе единому Богу. Они отвѣчали: «еслибы Онъ хотѣлъ насъ просвѣтить, Онъ послалъ бы намъ ангеловъ» (Сура XLI, 13). Темудъ и Адъ погибли безслѣдно.

Особенно поучительнымъ для Мухаммеда представляется примѣръ фараона, противившагося Моисею. «Египетскіе волхвы, убѣжденные чудесами Моисея, сказали: «мы вѣруемъ во Всевышняго, Бога Моисея и Аарона». — Фараонъ сказалъ: «развѣ вы можете вѣрить безъ моего позволенія?» (Сура, XXVI, 45—48).

«Пусть Моисей будетъ казненъ смертью, сказалъ царь, я боюсь, чтобы онъ не заставилъ народъ мой перемѣнить религію и чтобы онъ не разорилъ моего государства» (Сура XL, 27).

«Развѣ я не заслуживаю предпочтенія (говоритъ фараонъ) передъ низкимъ обманщикомъ? Онъ едва умѣетъ говорить. Украшенъ ли онъ золотыми браслетами? Сопровождаютъ ли его полчища ангеловъ?» Фараонъ обвинялъ своихъ подданныхъ въ легкомысліи, и они послушались его, потому что были нечестивы. Преступленія ихъ вызвали гнѣвъ небесный, и они были поглощены водами. Наказаніе ихъ будетъ служить примѣромъ для потомства» (Сура XLIII, 51—56).

«Старѣйшины народа отвѣчали Ною (когда онъ имъ проповѣдывалъ единаго Бога): «ты такой же человѣкъ, какъ мы; подлая чернь послѣдовала за тобою безъ разсужденія. У тебя нѣтъ никакихъ заслугъ, которыя возвышали бы тебя надъ нами. Мы считаемъ тебя обманщикомъ» (Сура XI, 29).

Непримиримые противники Мухаммеда ставили ему въ укоръ даже то, что онъ проповѣдывалъ на общепонятномъ арабскомъ языкѣ. Въ своемъ краткомъ отвѣтѣ Мухаммедъ удачно характеризуетъ подобныя возраженія: «еслибы мы изложили Коранъ на языкѣ невѣдомомъ, они закричали бы: «почему онъ не изложенъ ясно» (Сура XLI, 44).

ГЛАВА VIII.

Ученіе Корана о предопредѣленіи и свободѣ.—Вѣра и добрыя дѣла.

Неодолимое упорство противниковъ Мухаммеда въ отверженіи истины, возвѣщаемой имъ по повелѣнію Божію, — упорство, плохо прикрываемое явно недобросовѣстными аргументами, естественно навело Мухаммеда на мысль, что эти его противники, такъ же какъ и предшественники ихъ среди другихъ племенъ, отвергавшіе прежнихъ пророковъ, дѣлали это не по неразумію, а по злой волѣ, что всѣ они—люди безповоротно осужденные, предопредѣленные къ погибели. Этотъ взглядъ неоднократно высказывается въ Коранѣ и занялъ, какъ извѣстно, видное положеніе въ послѣдующемъ мусульманскомъ богословіи. Не правы однако тѣ историки (между прочимъ и такой объективный критикъ Ислама, какъ Авг. Мюллеръ), которые приписываютъ Мухаммеду нелѣпый и богохульный догматъ *о предопредѣленіи ко злу*, т. е. что Богъ *по произволу Своему* предназначилъ однимъ быть добрыми и спастись, а другимъ—быть злыми и погибнуть. Такой взглядъ можно находить въ отдѣльныхъ изреченіяхъ Корана только вслѣдствіе неспособности Мухаммеда къ точному и раздѣльному выраженію отвлеченныхъ идей. Но если у него не было связной и послѣдовательной богословской системы, то у него нельзя отнять живого религіознаго сознанія, открывавшаго ему Бога истины, Бога праведнаго и милосерднаго. Если не логическая мысль, то сердечное чувство и истинное благочестіе препятствовали Мухаммеду представлять Бога несправедливымъ. Поэтому его вѣра въ предопредѣленіе погибающихъ требуетъ другого объясненія, основанія для котораго мы находимъ въ томъ же Коранѣ. Нужно различать двѣ мысли: 1) Люди упорствуютъ въ невѣріи потому, что они *произвольно* осуждены Богомъ на безповоротную злобу и погибель,—этой мысли Мухаммедъ нигдѣ прямо не высказывалъ и, на нашъ взглядъ, *не могъ* высказывать; и 2) когда люди непреодолимо упорствуютъ въ невѣріи—это значитъ, что они осуждены на гибель *всевѣдущимъ* Богомъ, который, зная, что они, въ глубинѣ души своей, безповоротно предпочли зло добру, не заботится болѣе объ ихъ спасеніи, а, напротивъ, для своихъ провиденціальныхъ цѣлей ожесточаетъ еще болѣе сердце ихъ (все равно уже ожесточенное и погибшее), какъ Онъ ожесточилъ сердце фараона, чтобы Моисей прославился великими

знаменіями. Такова Мухаммедова мысль о предопредѣленіи, основанномъ не на произволѣ Божіемъ, а на Его всевѣдѣніи и вседѣйственности, на которыя много разъ и съ особымъ удареніемъ указывается въ Коранѣ.

«Богъ держитъ въ рукахъ Своихъ ключи сокровеннаго. Онъ одинъ его знаетъ. Онъ знаетъ все, что на землѣ и въ глубинѣ моря. Листъ съ дерева не падаетъ безъ Его вѣдѣнія. Нѣтъ зернышка на землѣ, которое не было бы записано въ книгѣ очевидности» (Сура VI, 59).

«Все написано въ книгѣ очевидности» (Сура XI, 8).

«Богъ знаетъ, что женщина носитъ въ утробѣ своей, насколько ея uterus сжимается или расширяется. Все взвѣшено передъ Нимъ» (Сура XIII, 9).

То, что дѣлаетъ человѣкъ, дѣлаетъ не онъ, а Богъ чрезъ него: «не вы ихъ убили (враговъ Ислама), они пали подъ мечомъ Всемогущаго. Не ты, Мухаммедъ, напалъ на нихъ, а Богъ, чтобы показать вѣрный знакъ своего покровительства. Онъ знаетъ и слышитъ все».

Но если все будущее, такъ же какъ настоящее и прошедшее, написано въ книгѣ очевидности, т. е. дано во всевѣдѣніи Божіемъ, и если все, что совершается, даже внѣшнія дѣла самого человѣка, всецѣло зависятъ отъ Божественнаго всемогущества и собственно имъ совершаются,—этимъ еще свобода человѣка не упраздняется, а только вводится въ предѣлы чисто внутренняго, нравственнаго отношенія его къ Богу. Сдѣлать какое-нибудь внѣшнее дѣло, произвести какую-нибудь реальную перемѣну въ предопредѣленномъ отъ Бога ходѣ вещей человѣкъ самъ по себѣ не можетъ, но быть добрымъ или злымъ, принять или отвергнуть предлагаемый ему законъ Божій, оставаться вѣрнымъ этому закону или отступить отъ него, однимъ словомъ, быть въ сердцѣ своемъ съ Богомъ или противъ Бога—это зависитъ отъ самого человѣка. Что невѣрные были истреблены мусульманами — это было дѣло Всемогущаго, но что одни были вѣрными, а другіе невѣрными—это зависѣло отъ нихъ самихъ.

Отношеніе Бога къ творенію, требующее внутренней свободы этого послѣдняго, указано въ слѣдующемъ замѣчательномъ текстѣ Суры XXXIII, 72: «Мы предложили (говоритъ Аллахъ) истинную вѣру небесамъ, землѣ, горамъ,— они не посмѣли принять ее. Они трепетали передъ этимъ бременемъ. Человѣкъ принялъ его, и сталъ неправеднымъ и безсмысленнымъ».

Конечно совмѣстность предопредѣленія и свободы, даже при

ограниченіи этой послѣдней однимъ внутреннимъ нравственнымъ отношеніемъ человѣка къ Богу, представляетъ большія теоретическія трудности; но Мухаммедъ не былъ философомъ, и отъ него нельзя требовать не только разрѣшенія, но и пониманія этихъ трудностей. А все, что требуется для элементарнаго религіозно-нравственнаго уравновѣшенія этихъ двухъ противоположныхъ началъ, дано въ Коранѣ.

Все существующее происходитъ отъ Бога; безъ Него человѣкъ не можетъ совершить ничего положительнаго; во всѣхъ своихъ нормальныхъ дѣйствіяхъ онъ пользуется помощью Божіей; отдѣльно отъ Бога онъ не производитъ ничего существующаго, а только извращаетъ таковое.

«Человѣкъ окруженъ ангелами, которые непрерывно смѣняются. Богъ поручилъ имъ хранить его. Онъ отнимаетъ свою благодать только тогда, когда человѣкъ извратилъ себя» (Сура XIII, 12).

Это извращеніе человѣкомъ себя ни мало не измѣняетъ не только мірового порядка, но и хода человѣческой исторіи.

«Всякій народъ имѣетъ свой назначенный предѣлъ; онъ не можетъ ни ускорить, ни отсрочить его» (Сура X, 50).

«Всякая книга (т. е. всякое откровеніе) имѣетъ свое назначенное время» (Сура XIII, 38).

Отъ человѣка зависитъ только его личная судьба: если онъ вѣритъ и исполняетъ заповѣди Божіи, онъ спасается и въ будущей жизни пользуется безконечными наслажденіями; если не вѣритъ и не исполняетъ повелѣнное ему, осуждаетъ себя на погибель въ вѣчномъ огнѣ. Для практическихъ задачъ религіи этого конечно достаточно. Въ Коранѣ встрѣчаются впрочемъ какъ бы слабые намеки и на болѣе возвышенные мотивы для вѣры и праведной жизни. Указывается мимоходомъ на то, что только жизнь въ Богѣ есть истинное существованіе, а все остальное только призракъ.

«Все, что есть на землѣ, пройдетъ; только ликъ Божій пребудетъ вѣчно. Слава и величіе окружаютъ его» (Сура LV, 27).

«Жизнь человѣческая есть обманчивое наслажденіе» (Сура III, 182).

«Жизнь міра — легкая игра. Истинная жизнь только въ вѣчныхъ обителяхъ. Еслибъ они это знали!» (Сура XXIX, 64).

«Эта жизнь—пустая игра, но вѣра и страхъ Господень будутъ имѣть свою награду».

Вѣра есть именно то, что связываетъ человѣка съ истинной жизнью; только вѣруя въ Бога, человѣкъ увѣренъ и въ своей собственной жизни, которая сама по себѣ, безъ этой вѣры, есть игра-

лище всякихъ случайностей и жертва всякихъ враждебныхъ силъ. Для религіознаго сознанія это имѣетъ не только теоретическій, но главнымъ образомъ практическій смыслъ. Съ особенной яркостью и живостью это выражается въ двухъ заключительныхъ Сурахъ Корана: CXIII и CXIV, которыя хронологически принадлежатъ къ самымъ раннимъ вдохновеніямъ Мухаммеда въ Меккѣ.

«Скажи: я предаюсь вѣрой моей Богу утра, чтобы онъ избавилъ меня отъ золъ, осаждающихъ человѣчество; отъ вліяній луны, покрытой мракомъ; отъ колдовства тѣхъ, что дуютъ на узлы, и отъ черныхъ замысловъ завистника».

«Скажи: я предаюсь вѣрой моею Господу людей, Царю людей, чтобы Онъ избавилъ меня отъ искушеній сатаны, который вдыхаетъ зло въ сердце, и чтобы онъ защитилъ меня отъ козней джинновъ и злодѣевъ».

Коранъ различаетъ двѣ степени вѣры: первая, низшая, которую собственно нельзя называть вѣрой, хотя и она имѣетъ свою цѣну, состоитъ въ признаніи единаго Бога и внѣшнемъ повиновеніи Его посланному; вторая, высшая ступень, состоитъ во всецѣлой преданности Богу и святому дѣлу (т. е. дѣлу установленія и распространенія единобожія).

«Арабы говорятъ: «мы вѣруемъ». Отвѣчай имъ: «вы не вѣруете; говорите лучше: мы исповѣдуемъ Исламъ. Вѣра еще не проникла въ сердца ваши. Но если вы повинуетесь Богу и посланному Имъ, ваши дѣла не потеряютъ цѣны своей. Господь снисходителенъ и милосердъ».

«Истинно вѣрные,—это тѣ, которые безо всякаго сомнѣнія вѣрятъ Богу и посланному Имъ и жертвуютъ для святого дѣла своей жизнью и богатствами» (Сура XLIX, 14, 15).

Мы нигдѣ не находимъ въ Коранѣ признанія отвлеченной, чисто-теоретической вѣры: Мухаммедъ никогда не раздѣляетъ вѣру отъ дѣлъ вѣры. Но, признавая въ вѣрѣ разныя степени, онъ допускаетъ соотвѣтственныя степени и въ дѣлахъ вѣры. Совершенная вѣра выражается на дѣлѣ въ полномъ самопожертвованіи; низшая степень вѣры довольствуется и меньшими дѣлами—исполненіемъ необходимыхъ предписаній религіи и нравственности. Только это послѣднее обязательно для всѣхъ. А о такой мнимой вѣрѣ, которая не выражается ни въ какихъ добрыхъ дѣлахъ, въ Коранѣ даже не упоминается. Мухаммедъ всегда стоитъ на нераздѣльной религіозно-этической точкѣ зрѣнія. Это совершенно понятно, ибо необходимо связано съ самой идеей о Богѣ. Такъ какъ Богъ не есть только вседержительная невѣдомая *сила*, а имѣетъ опредѣленное свойство,

или характеръ, такъ какъ Онъ, по существу Своему, есть Богъ Праведный, Милосердный и Святой (т. е. чисто-духовный), то и законъ Божій состоитъ не изъ произвольныхъ и непонятныхъ требованій и предписаній, а имѣетъ опредѣленный этическій характеръ, — изъ нравственныхъ свойствъ «Бога людей» вытекаютъ для вѣрующаго человѣка и опредѣленныя нравственныя заповѣди. Для вѣрующихъ Богъ не есть неопредѣленная величина, они всегда знаютъ, чего хочетъ отъ нихъ Богъ, что Ему пріятно и что непріятно. И точно такъ же невѣрный всегда за разъ нарушаетъ и религіозную, и нравственную заповѣдь, оскорбляя вмѣстѣ и Бога, и ближняго: «*онъ не увѣровалъ въ Бога Великаго, онъ не позаботился о пищѣ бѣднаго*» (Сура LXIX, 33, 34).

«Онъ говоритъ: «Господь пренебрегаетъ мною». — Нѣтъ! Но вы презираете сироту. Вы не спѣшите насытить бѣднаго. Вы съ жадностью пожираете наслѣдства. Вы страстно любите богатства» (Сура LXXXIX, 17—21).

«Справедливость—сестра благочестія.—Богъ обѣщаетъ милосердіе Свое и славную награду тѣмъ, кто съ вѣрой соединяетъ заслугу добрыхъ дѣлъ».

«Богъ отнимаетъ благословеніе Свое отъ лихоимства и изливаетъ его на милостыню. Онъ ненавидитъ невѣрныхъ и нечестивыхъ. Но вѣрующіе, которые будутъ дѣлать добро, совершать молитву и творить милостыню, будутъ имѣть награду свою у Бога, они будутъ избавлены отъ страха и казни» (Сура II, 277).

«Если вашему должнику трудно заплатить, дайте ему срокъ, а если хотите сдѣлать еще лучше, отпустите ему долгъ его. О, если бы вы знали!» (тамъ же, 280).

«Богъ взыщетъ съ каждаго лишь по силамъ его. Всякій будетъ имѣть за себя свои добрыя дѣла и противъ себя содѣянное имъ зло». Но, выставляя этотъ общій принципъ, Коранъ постоянно возвращается къ идеѣ милосердія Божія, напримѣръ въ слѣдующей молитвѣ, выражающей также нераздѣльность религіозно-нравственнаго настроенія Мухаммеда.

«Господи! не карай насъ за грѣхи забвенія. Прости намъ грѣхи наши. Не налагай на насъ бремя отцовъ нашихъ. Не обременяй насъ сверхъ силъ нашихъ. Яви слугамъ Твоимъ прощеніе и снисхожденіе. Сжалься надъ нами: Ты покровитель нашъ» (тамъ же, 286).

Религіозно-этическому характеру Мухаммедовой проповѣди противорѣчатъ повидимому такія изреченія: «Идолопоклонство хуже убійства» (тамъ же).—«Опасность измѣнить истинной вѣрѣ хуже

убійства» (тамъ же, 187).—«Богъ не проситъ многобожія. Онъ отпускаетъ по волѣ Своей всѣ другія преступленія; но многобожіе больше всѣхъ беззаконій» (Сура IV, 116). Не нужно, однако, забывать, что языческій культъ дѣйствительно находился въ тѣснѣйшей связи съ дѣлами гораздо худшими простого убійства (принесеніе въ жертву дѣтей, безмѣрный развратъ), такъ что и эта безпощадность Мухаммеда имѣла не исключительно религіозное, а религіозно-нравственное основаніе.

Главное дѣло вѣры относительно Бога есть молитва, относительно ближняго—милостыня, относительно собственной своей природы—воздержаніе, или постъ. Мухаммедъ не только по личному чувству находилъ въ молитвѣ единственное настоящее наслажденіе, но онъ видѣлъ въ ней дѣло величайшей важности.

«Когда служитель Божій остановился, чтобы молиться, джинны столпились кругомъ него, чтобы его слушать» (Сура LXXII, 19).

Милостыня въ Исламѣ также не есть только внѣшнее предписаніе, а представляется какъ выраженіе истиннаго религіозно-нравственнаго настроенія относительно ближняго,—такого настроенія, которое опредѣляется не формальной справедливостью, а милосердіемъ, которое побуждаетъ давать другому даромъ и не воздавать зломъ за зло.

«Мы кормимъ васъ ради одного Бога. Мы не ищемъ отъ васъ ни награды, ни благодарности» (Сура LXXVI, 9).

«Если вы мстите за себя, пусть мщеніе не превышаетъ обиды; *но кто перенесетъ терпѣливо, будетъ лучше для него*: итакъ, переносите терпѣливо обиды» (Сура XVI, 128).

Воздержаніе предписывается Кораномъ не въ смыслѣ умерщвленія плоти, а лишь въ смыслѣ умѣренности для сохраненія чистоты душевной и нравственной свободы.

Изъ этихъ трехъ основныхъ религіозно-нравственныхъ заповѣдей важнѣе всѣхъ для человѣка средняя: милосердное отношеніе къ ближнимъ. Возношеніе души къ *невидимому* Богу трудно для людей матеріальныхъ; такъ-же тяжело имъ сопротивляться влеченіямъ низшей природы, и соблюдать воздержаніе; но быть милосерднымъ одинаково способно всякое нравственное существо; быть добрымъ или злымъ зависитъ отъ внутренней сущности самого человѣка. Поэтому читаемъ въ Коранѣ: «Знаешь-ли, что есть *вершина* (добродѣтели)? Выкупить плѣннаго, накормить въ дни голода сироту ближняго и нищаго безвѣстнаго» (Сура XC, 12—15).

ГЛАВА IX.

Ученіе о будущей жизни.

Мы видѣли, что, по Корану, Богъ предложилъ человѣчеству—черезъ своихъ пророковъ и посланныхъ—истинную вѣру, и человѣчество приняло это предложеніе. Тѣмъ самымъ устанавливался между Богомъ и людьми завѣтъ или договоръ, по которому человѣкъ обѣщаетъ сохранять вѣру въ единаго Бога и исполнять Его заповѣди, а Богъ обѣщаетъ вѣрному человѣку вѣчное блаженство. Нарушеніе этого договора невозможно со стороны Бога истины и правды, нарушеніе же его со стороны человѣка вредитъ только ему самому.

«Если вы будете невѣрны, то Богъ все-таки останется Владыкою неба и земли. Онъ богатъ и хвала Его въ Немъ Самомъ» (Сура IV, 130).

«Сектанты много спорили, но горе тому, кто не вѣритъ въ собраніе великаго дня» (Сура XIX, 38).

Ученіе объ откровеніи въ смыслѣ завѣта или договора между Богомъ и человѣкомъ необходимо восполняется ученіемъ о послѣднемъ судѣ, какъ реализаціи этого договора. «День великаго собранія» занимаетъ очень важное мѣсто въ Коранѣ. Это одинъ изъ главныхъ догматовъ.

«Проповѣдуй Коранъ боящимся. *Возвѣщай имъ, что они будутъ собраны передъ Вѣчнымъ*, что у нихъ нѣтъ другого защитника и покровителя, дабы они ходили съ опасеніемъ» (Сура VI, 51).

«Кто хочетъ, пусть вѣруетъ, а кто не хочетъ, пусть остается невѣрующимъ. Для этихъ у насъ (у Бога) готовъ огонь... А кто вѣруетъ и творитъ добрыя дѣла, ихъ награда не погибнетъ. Для нихъ—сады Эдема» (Сура XVIII, 28—30).

Послѣ «дня великаго собранія» «преграда воздвигнется между избранными и осужденными» (Сура VII, 44).

Вмѣсто «избранные» и «осужденные» въ Коранѣ можно встрѣтить другіе термины: «мусульмане» и «невѣрные», но основанные на этомъ упреки въ фанатизмѣ и религіозной исключительности были-бы несправедливы—по крайней мѣрѣ относительно самого Мухаммеда и его откровенія. Конечно, и по Мухаммеду, спасутся только послѣдователи Ислама, но мы знаемъ рѣшительное заявленіе того-же Корана, что Исламъ былъ прежде Мухаммеда, что Авра-

амъ и всѣ держащіеся вѣры Авраамовой—истинные мусульмане. Къ такимъ принадлежатъ и іудеи, и христіане, исполняющіе законъ своихъ писаній; если они окажутся правыми по закону своему, то также получатъ вѣчную жизнь. Съ другой стороны люди, только наружно принимающіе Коранъ, но въ душѣ враждебные или равнодушные къ нему, такъ называемые лицемѣры или «трусы» *(эльмунафикунъ)*, не суть настоящіе мусульмане и не получатъ части своей съ избранными. Такимъ образомъ, согласно основной точкѣ зрѣнія Мухаммеда, окончательная судьба человѣка опредѣляется не исключительно религіознымъ, а религіозно-нравственнымъ условіемъ; эта судьба рѣшится не произволомъ Высшей силы и не фактомъ исповѣданія той или другой религіи, а внутреннимъ отношеніемъ человѣка къ добру и злу, дѣйствительнымъ принятіемъ закона Божія со стороны человѣка. Вотъ главные относящіеся сюда тексты Корана:

«Добродѣтельный человѣкъ и злой работаютъ каждый за себя. Богъ никому не сдѣлаетъ неправды» (Сура XLI, 46).

«До Него (Бога) конечно не доходитъ ни мясо, ни кровь жертвъ, но благочестіе ваше доходитъ до Него» (Сура XXII, 38).

«Тѣ, кто вѣровалъ и дѣлалъ добрыя дѣла, будутъ введены въ сады, гдѣ текутъ рѣки, обитель вѣчныхъ наслажденій. Они найдутъ тамъ чистыхъ женщинъ и вѣчную тѣнь. Богъ велитъ вамъ отдавать всякому залогъ его и судить ближняго по правдѣ» (Сура IV, 60, 61).

«Не всѣ, получившіе писаніе (іудеи и христіане), похожи другъ на друга. Есть между ними такіе, у которыхъ сердце прямое. Они размышляютъ о заповѣдяхъ Божіихъ ночью и повинуются Ему. Они вѣруютъ въ Бога и въ послѣдній день. Они проповѣдуютъ добро и осуждаютъ зло. Они ревностно преданы дѣламъ благочестія. Эти принадлежатъ къ праведнымъ. Добро, что они дѣлаютъ, не отнимется у нихъ. Знаетъ Богъ боящихся Его» (Сура III, 109—111).

«Скажи: возвѣстить ли мнѣ вещи болѣе пріятныя, приготовленныя для благочестивыхъ, сады, орошенные рѣками, вѣчную жизнь, чистыхъ супругъ (гурій) и благосклонность Господа, Его-же око отверсто на служителей Его. Таковъ удѣлъ тѣхъ, которые говорятъ: «Господи, мы повѣрили, прости намъ грѣхи наши и избавь насъ отъ мученій огня»;—тѣхъ, которые были терпѣливы, благотворительны и которые съ утра умоляли милосердіе Божіе». (Тамъ же 13—15).

«Мудры тѣ, которые послушны заповѣдямъ Господнимъ, не нарушаютъ союза съ Нимъ и соединяютъ то, что Ему угодно было

соединить. *Тотъ, кого надежда увидѣть Бога дѣлаетъ постояннымъ въ бѣдствіяхъ*, кто совершаетъ молитву, кто даетъ тайно или открыто часть имѣнія, которымъ Мы надѣлили его, и заглаживаетъ грѣхи свои добрыми дѣлами, для того награда рая...

«Кто нарушаетъ завѣтъ Божій, раздѣляетъ то, что Онъ соединилъ, и распространяетъ развратъ по землѣ, будетъ, обремененный проклятіемъ, низвергнутъ въ адъ» (Сура XIII, 19—22, 25).

«Вѣрующіе, *творившіе добро*, будутъ обитать въ кущахъ райскихъ садовъ» (Сура XLII, 21).

Ученіе Корана о будущей жизни подвергалось обыкновенно двоякому упреку: за утилитаризмъ, поскольку оно поощряетъ вѣру и праведность яркими картинами будущихъ наградъ, и за сенсуализмъ, поскольку оно представляетъ сами эти награды въ видѣ чувственныхъ наслажденій. Оба эти упрека несправедливы. Во всѣхъ религіяхъ лучшіе люди нравственны изъ любви къ добру и изъ отвращенія ко злу, а люди низшаго разряда держатся нравственныхъ правилъ по внѣшнимъ соображеніямъ. Идеалъ мусульманина—человѣкъ, который, подобно Мухаммеду, можетъ сказать про себя: я отдалъ сердце мое Богу, и который находитъ въ общеніи съ Богомъ единственное истинное наслажденіе, и въ Коранѣ заявляется, что праведные добродѣтельны безкорыстно, ради одного Бога (см. выше).

Что касается до вошедшаго въ поговорку сенсуализма Мухаммедова рая, то онъ заключается болѣе въ способѣ изображенія будущей жизни, нежели въ понятіи о ней. Принципъ этой жизни есть все-таки и для Мухаммеда непосредственное общеніе съ Богомъ (см. подчеркнутыя мѣста въ вышеприведенныхъ текстахъ). Но, вѣруя вмѣстѣ съ ортодоксальнымъ іудействомъ и христіанствомъ не въ отвлеченное безсмертіе души, а въ воскресеніе цѣлаго человѣка, Исламъ естественно долженъ былъ и будущую по воскресеніи жизнь представлять, какъ полноту бытія не только духовнаго, но и тѣлеснаго. А то или другое представленіе конкретной обстановки этого бытія конечно не имѣетъ принципіальнаго и догматическаго значенія. Если для вѣрующаго іудея или для христіанина изъ іудеевъ, тоскующаго по разрушенномъ Іерусалимѣ, царство Божіе представляется, какъ идеальный городъ, какъ Іерусалимъ, сходящій съ небесъ, то для окруженнаго пустыней араба столь-же естественно мѣсто вѣчнаго блаженства рисуется, какъ садъ, напоенный рѣками. Не слѣдуетъ впрочемъ забывать и библейское представленіе о земномъ раѣ, какъ о садѣ, омываемомъ четырьмя рѣками. О грубочувственныхъ наслажденіяхъ будущей жизни въ Коранѣ ничего опре-

дѣленнаго не говорится: ни изъ чего не видно, чтобы «чистыя супруги» съ большими глазами были предназначены для физіологическихъ отношеній.

Для Мухаммеда, такъ же какъ и для христіанскихъ мистиковъ, занимавшихся этимъ предметомъ, напримѣръ для Сведенборга,— вѣчная жизнь есть дѣйствительное общеніе съ Богомъ, непрерывно осуществляемое во внутреннихъ состояніяхъ и въ конкретныхъ ощутительныхъ образахъ. Прежде чѣмъ осуждать эту идею, подождемъ, чтобы намъ дали по этому предмету другую, лучшую. Таково было въ главныхъ чертахъ ученіе Мухаммеда о Богѣ и Его свойствахъ, о Его откровеніяхъ, о заповѣдяхъ Божіихъ, о судьбѣ злыхъ и добрыхъ, о воскресеніи и будущей жизни. Это ученіе было весьма неполно, но въ немъ не было ничего ложнаго, а сравнительно съ національной религіей арабовъ оно представляло огромный успѣхъ религіознаго сознанія. Выступая съ этою проповѣдью въ своемъ родномъ городѣ, Мухаммедъ исполнялъ заразъ двѣ обязанности: обязанность послушанія относительно Бога, сказавшаго ему: «проповѣдуй!»—и обязанность милосердія къ ближнимъ, стараясь словомъ откровенія вывести ихъ изъ тьмы заблужденій и злыхъ дѣлъ.

ГЛАВА X.

Первая проповѣдь, первыя преслѣдованія и обращенія.

Семья Мухаммеда со включеніемъ усыновленныхъ имъ Алія и Зейда безусловно повѣрила его призванію. По началамъ родового быта Аравіи между отдѣльной семьей и цѣлымъ племенемъ или родомъ (въ широкомъ смыслѣ этого слова) корейшитовъ были промежуточныя родовыя звенья, изъ коихъ первымъ для Мухаммеда былъ домъ Хашимовъ, т. е. всѣ потомки прадѣда Мухаммедова Хашима. Итакъ, Мухаммеду, желавшему правильно дѣйствовать въ народѣ своемъ, предстояло обратиться прежде всего къ этимъ роднымъ своимъ, ко всѣмъ сынамъ Хашимовымъ. Онъ пригласилъ ихъ на собраніе и объявилъ о своемъ посланничествѣ. Всѣ пришли въ удивленіе и негодованіе, ибо ожидали сообщенія о какомъ-нибудь серьезномъ коммерческомъ или разбойничьемъ дѣлѣ. Одинъ изъ дядьевъ Мухаммеда, Абу-Лахабъ, выразилъ общее мнѣніе, закричавши: «Чтобъ тебѣ удавиться! Такъ за этимъ-то ты созывалъ насъ?» Всѣ разошлись со смѣхомъ и ругательствами. Сынъ этого самаго Абу-Лахаба былъ уже помолвленъ съ дочерью Мухаммеда,

Рокайей, но теперь старикъ, серьезно сочтя своего племянника и предположеннаго свата сумасшедшимъ, взялъ назадъ свое согласіе. Но Рокайя, отличавшаяся красотою, скоро нашла себѣ другого жениха—Османа Ибн-Аффана изъ знатнаго семейства Омайядовъ. Османъ, породнившись съ Мухаммедомъ, сталъ вмѣстѣ съ тѣмъ ревностнымъ послѣдователемъ Ислама и былъ потомъ третьимъ преемникомъ пророка. Еще прежде пріобрѣлъ Мухаммедъ для себя и Ислама своего будущаго перваго преемника Эль-Атика, по прозванію Абу-Бекра, который во все время его общественной дѣятельности былъ его главною опорою. Абу-Бекръ, котораго отношеніе къ Мухаммеду можно сравнить съ отношеніемъ Меланхтона къ Лютеру, былъ человѣкъ кроткій, мягкій, невозмутимо спокойный, сговорчивый въ вопросахъ чисто практическихъ и непоколебимо твердый въ главномъ дѣлѣ.

Отвергнутый своею родней, Мухаммедъ сталъ проповѣдывать публично. Его проповѣдь, въ особенности его нападенія на національныхъ идоловъ, служившихъ связью племенъ и санкціей торговыхъ перемирій, была непріятна для корейшитской знати и могла казаться ей опасной. Но долгое время Мухаммеда не трогали, боясь междоусобій, ибо домъ Хашимовъ, хотя отвергъ его проповѣдь, не отказался однако отъ обязанностей родства; особенно же ревностнымъ защитникомъ его былъ всѣми уважаемый въ Меккѣ дядя его Абу-Талибъ, который не вѣрилъ въ его посланничество, но былъ сильно привязанъ къ нему лично.

За первые годы Мухаммедовой проповѣди насчитываютъ 43 послѣдователя Ислама, большею частью изъ бѣдняковъ и рабовъ. Эти послѣдніе, естественно, стали изъ-за Мухаммеда подвергаться всяческимъ насиліямъ отъ своихъ господъ. Тогда богатый Абу-Бекръ употребилъ значительную часть своего состоянія на выкупъ этихъ рабовъ—мусульманъ; тѣ же, которыхъ господа не соглашались уступить, получили отъ Мухаммеда, по совѣту того же Абу-Бекра, разрѣшеніе отречься наружно отъ новаго пророка, сохраняя въ сердцѣ вѣру въ Исламъ.

Обращенія въ Исламъ продолжались понемногу (хотя и не ежедневно, какъ говоритъ арабскій лѣтописецъ), и каждый новый прозелитъ давалъ поводъ для новыхъ преслѣдованій. На этой первичной стадіи своего развитія Исламъ, еще не организованный и не принявшій никакой твердой формы, являлся главнымъ образомъ, какъ общая противоположность единобожія идолопоклонству, и отъ прежняго ханифизма отличался не содержаніемъ своимъ, а только тѣмъ, что имѣлъ личнаго представителя, личнаго посредника между

Аллахомъ и людьми. Въ такомъ неопредѣлившемся внутреннемъ состояніи и при обострившейся внѣшней враждѣ съ идолопоклонниками, Мухаммедъ и его послѣдователи, естественно, чувствовали себя солидарными со всѣми монотеистами и въ особенности съ христіанами, которыхъ религія не была связана съ національностью. Къ этому времени относятся, по всей вѣроятности, тѣ мѣста Корана, въ которыхъ Мухаммедъ не только съ уваженіемъ, но и съ благоговѣніемъ говоритъ о Христѣ и Его Матери. Такъ, въ Сурѣ V (Столъ) читаемъ: «послѣ пророковъ Мы послали Марію и Іисуса, чтобы подтвердить Пятикнижіе. Мы дали ему Евангеліе, которое есть свѣточъ вѣры и печать истины древнихъ писаній. Эта книга просвѣщаетъ и наставляетъ боящихся Господа».

Сура XIX (Марія) спеціально восхваляетъ Пресв. Дѣву: «прославляй Марію въ Коранѣ, прославляй день, когда она удалилась отъ семейства своего къ Востоку».

«Пой хвалу Маріи, сохранившей дѣвство свое неприкосновеннымъ. Мы вдохнули въ нее Духа Нашего. Она и Сынъ Ея были дивомъ вселенной» (Сура XXI, Пророки).

«Іисусъ, сынъ Маріи, есть посланникъ Всевышняго и Слово Его. Богъ ниспослалъ Его въ Марію. Онъ—дыханіе Божіе» (Сура IV, Женщины).

Въ той же IV Сурѣ Мухаммедъ утверждаетъ, что Іисусъ не былъ умерщвленъ, а прямо взятъ на небо, и въ день всеобщаго воскресенія будетъ свидѣтельствовать противъ недостойныхъ іудеевъ и христіанъ. Такимъ образомъ представленіе Мухаммеда о Христѣ соединяетъ двѣ противоположныя идеи, воспринятыя имъ отъ различныхъ христіанскихъ сектъ и ничѣмъ не связанныя между собою. Вмѣстѣ съ эвіонитами (іудействующими христіанами) Мухаммедъ признаетъ Христа за великаго пророка въ ряду другихъ пророковъ, и вмѣстѣ съ гностиками докетами видитъ въ Немъ особое небесное существо, не подлежащее даже закону смерти.

При такомъ отношеніи Мухаммеда къ христіанству неудивительно, что нѣкоторые его послѣдователи, когда усилились гоненія, рѣшили искать убѣжища въ той христіанской странѣ, которая и этнографически, и политически стояла всего ближе къ арабамъ Мекки, именно въ Абиссиніи. Въ 615 году 11 мусульманъ отправились черезъ Красное море подъ покровительство негуса Аксумскаго. Положеніе Мухаммеда въ Меккѣ отъ этого не улучшилось, и въ минуту душевнаго упадка онъ рѣшился идти на сдѣлку и попытаться примирить истину единобожія съ языческимъ культомъ его родины. Вѣдь «люди писанія» всѣ признаютъ, кромѣ единаго Бога, высшія

существа, называемыя ангелами. Христіане сверхъ того считаютъ своего пророка Сыномъ Божіимъ и воздаютъ религіозное почитаніе Его Матери и множеству духовъ умершихъ святыхъ; нельзя ли признать и національныя божества арабовъ-идолопоклонниковъ за что-то среднее между Богомъ и людьми, за ангеловъ Аллаха и ходатаевъ передъ Нимъ? Вдохновленный этою мыслью, которую онъ потомъ призналъ за внушеніе сатаны, Мухаммедъ произнесъ однажды около Каабы слѣдующее изреченіе: «Думали ли вы, какъ должно, объ Аллатъ, и Уззá, и Манáтъ, о третьей между ними? Воистину это небесные лебеди, воистину можно положиться на ихъ ходатайство». Аллатъ, Уззá и Манáтъ были женскія божества изъ наиболѣе чтимыхъ арабами. Мекканцы, враждовавшіе противъ Мухаммеда не за его поклоненіе Аллаху (который тоже имѣлъ свое мѣсто въ Каабѣ), а за его нападеніе на прочихъ боговъ, съ радостью привѣтствовали перемѣну въ его настроеніи и, собравшись вокругъ него, слушали все, что онъ далѣе говорилъ; а когда онъ закончилъ свою проповѣдь возгласомъ: «итакъ, преклонитесь передъ Аллахомъ и служите Ему!» всѣ присутствовавшіе пали на колѣна и благословляли имя Аллаха. Молва о примиреніи между Мухаммедомъ и корейшитами дошла до мусульманъ, поселившихся въ Абиссиніи, и побудила ихъ вернуться на родину. Но когда они возвратились, то положеніе дѣлъ опять перемѣнилось. Архангелъ Гавріилъ, или собственная совѣсть Мухаммеда, заставилъ его отречься отъ допущенной сдѣлки. Убѣдившись, что она была внушена ему сатаною, онъ на томъ же мѣстѣ у Каабы провозгласилъ свое отреченіе: «Думали ли вы, какъ должно объ Аллатъ, и Уззá, и Манáтъ, о третьей между ними? Какъ? У васъ самихъ было бы мужеское потомство, а у Него (Аллаха) только женское? Вотъ былъ бы неподобающій дѣлежъ!» Впослѣдствіи Мухаммедъ такъ говорилъ объ этомъ случаѣ:

«Чуть было невѣрные не заставили тебя (говоритъ Аллахъ Мухаммеду) покинуть Наше ученіе и выдумать нѣчто другое отъ Нашего имени. Уступчивостью своею ты купилъ бы дружбу ихъ. Когда бы Мы не утвердили сердце твое, близокъ ты былъ, близокъ къ тому, чтобы исполнить желаніе ихъ. Еслибы послѣдовалъ ты имъ, немощь жизни и смерти испыталъ бы ты и гнѣва Нашего не избѣжалъ бы ты» (Сура XVII, 76—78).

Разумѣется, разочарованіе мекканцевъ вслѣдствіе этого отреченія усилило преслѣдованія противъ мусульманъ. Въ 617 году послѣдовало второе, болѣе обширное переселеніе въ Абиссинію: туда отправилось 83 мужчины и 18 женщинъ, во главѣ переселенцевъ былъ Османъ со своею женою, дочерью Мухаммеда. Ко-

рейшиты потребовали отъ негуса ихъ выдачи, но получили отказъ. Большая часть этихъ переселенцевъ впослѣдствіи вернулась обратно.

Чтобы отнять у Мухаммеда послѣднюю опору, корейшиты обратились къ Абу-Талибу, требуя, чтобы онъ образумилъ своего племянника. На увѣщанія дяди Мухаммедъ отвѣчалъ: «Еслибы они давали мнѣ солнце въ правую руку и мѣсяцъ въ лѣвую с чтобы я оставилъ это дѣло прежде, чѣмъ Богъ дастъ ему ...ду или я погибну за него, —не оставилъ бы его». Сказавши это, онъ хотѣлъ уйти, но Абу-Талибъ удержалъ его, говоря: «Проповѣдуй все, что хочешь, сынъ брата моего! Я ни за что никогда не покину тебя».

Однажды Мухаммедъ сидѣлъ на площади, недалеко отъ Каабы. Одинъ изъ главныхъ противниковъ Ислама между корейшитскою знатью, прозванный мусульманами Абу-Джахль, т. е. отецъ невѣжества, подошелъ къ нему и сталъ осыпать его насмѣшками и ругательствами. Мухаммедъ не отвѣчалъ ни слова. Въ это время дядя его Хамза, не принадлежавшій къ мусульманамъ, человѣкъ огромнаго роста и силы, возвращался съ охоты. Не стерпѣвши обиды племяннику, онъ подбѣжалъ къ Абу-Джахлю и, ударивъ его лукомъ по лицу, такъ что потекла кровь, закричалъ: «Ты смѣешь ругаться ему, когда и я той же вѣры и исповѣдую то же, что и онъ исповѣдуетъ. Возврати мнѣ мой ударъ, если смѣешь!». Тотъ не рѣшился на единоборство, а Хамза не рѣшился взять назадъ своего заявленія и сдѣлался съ тѣхъ поръ ревностнымъ мусульманиномъ. Около этого же времени обратился въ Исламъ Омаръ Ибн-Хаттабъ, будущій халифъ, покоритель Египта и Сиріи.

ГЛАВА XI.

Новыя преслѣдованія и личныя несчастія Мухаммеда.—Расширеніе горизонта.

Эти новые успѣхи Ислама, придавая смѣлости Мухамеду и его приверженцамъ, еще болѣе ожесточили его противниковъ. В. 617 г. корейшиты уговорились между собою прервать всякія сношенія съ мусульманами, не допускать ихъ къ Каабѣ, ничего имъ не продавать и не покупать у нихъ. Поставленные вн общаго закона, послѣдователи Мухаммеда должны были запереться въ отдаленномъ отъ городского центра кварталѣ, гдѣ находился

домъ Абу-Талиба, вслѣдствіе чего вся эта мѣстность называлась оврагомъ Талиба.

Мухаммеду пришлось поневолѣ расширить свою проповѣдь, перенести ее изъ запертой для него Мекки въ другія мѣста. Въ теченіе четырехъ мирныхъ мѣсяцевъ, кромѣ большой ярмарки въ Меккѣ, бывали также многолюдныя торжища въ Минѣ, Указѣ и [illegible] мѣстечкахъ Хиджаза. Мухаммедъ отправлялся туда и проповѣдывалъ Исламъ. Хотя эта проповѣдь была безуспѣшна, главнымъ образомъ вслѣдствіе противодѣйствія корейшитовъ, зорко слѣдившихъ за опаснымъ человѣкомъ, однако важно было, что новая религія стала извѣстна внѣ Мекки и что провозвѣстникъ ея вышелъ изъ предѣловъ узкой мѣстной дѣятельности. Онъ долженъ былъ остаться на этомъ новомъ пути и тогда, когда корейшиты (въ 619 г.) отмѣнили свой уговоръ противъ мусульманъ и согласились принять ихъ опять въ общеніе, — ибо условіемъ для этого они поставили, чтобы Мухаммедъ не проповѣдывалъ въ Меккѣ. Такимъ образомъ ослѣпленные враги сами толкали ненавистнаго имъ пророка на болѣе широкое поприще дѣятельности и вынуждали его къ осуществленію замысла, рокового для защищаемыхъ ими преданій и порядковъ.

Между тѣмъ и личныя обстоятельства Мухаммедовой жизни побуждали его разорвать съ Меккой или по крайней мѣрѣ облегчали для его чувства этотъ разрывъ. Въ 619 г. скончалась Хадиджа, а черезъ нѣсколько недѣль послѣ нея и Абу-Талибъ. Сердечная связь Мухаммеда съ родовой арабской стариной, съ традиціонной жизнью родного города была порвана. Консервативная Мекка представлялась для него только врагами, а его приверженцы, уже испытанные гоненіями, чужіе въ своемъ городѣ вслѣдствіе вражды согражданъ, готовы были вмѣстѣ съ вождемъ своимъ принять за отечество всякую страну, дававшую убѣжище Исламу.

Такого убѣжища Мухаммедъ пробовалъ сначала искать по сосѣдству съ Меккой. Въ ста верстахъ отъ нея находился укрѣпленный городъ Таифъ, принадлежавшій Бену-Такифамъ, которые входили въ составъ большого племени Бену-Хавазинъ. Туда отправился Мухаммедъ самъ-другъ съ пріемнымъ сыномъ своимъ Зейдомъ. Проповѣдь Ислама имѣла здѣсь самый печальный успѣхъ: одинъ изъ слушателей сказалъ: «еслибы Богъ захотѣлъ насъ обратить къ Себѣ, Онъ конечно выбралъ бы не тебя для этого дѣла». Другой иронически замѣтилъ: «Во всякомъ случаѣ намъ съ тобой разговаривать не приходится. Ибо если ты дѣйствительно посланникъ Божій, то какъ смѣемъ мы, простые смертные, оспаривать твою

священную особу; если же ты не то, за что выдаешь себя, значитъ ты—обманщикъ и не стоишь того, чтобы тебѣ отвѣчать». Отъ такихъ словъ жители Таифа скоро перешли къ соотвѣтственнымъ дѣйствіямъ. Мухаммеду и Зейду пришлось бѣжать отъ побоевъ враждебной толпы.

Окровавленные спрятались они въ саду, принадлежавшемъ двумъ братьямъ изъ Мекки, Отба и Шейба, которые сжалились надъ земляками, оставили ихъ у себя переночевать и прислали имъ для подкрѣпленія блюдо винограду. На обратномъ пути, въ мѣстечкѣ Нахла, Мухаммедъ, во время ночной молитвы, видѣлъ несмѣтную толпу джинновъ, которые слушали его слова и вмѣстѣ съ нимъ поклонялись Аллаху. Ободренный этимъ въ постигшей его неудачѣ, Мухаммедъ вернулся домой и своимъ невольнымъ бездѣйствіемъ воспользовался, чтобы обдумать планъ дальнѣйшихъ дѣйствій, ожидая перваго благопріятнаго случая для начала его осуществленія. Впослѣдствіи Мухаммедъ заявилъ себя такимъ искуснымъ политикомъ, что никакъ нельзя сомнѣваться въ преднамѣренномъ и обдуманномъ характерѣ и первыхъ его шаговъ на этомъ поприщѣ. Потерпѣвъ неудачу въ сосѣднихъ съ Меккою чисто-арабскихъ мѣстностяхъ, онъ, естественно, долженъ былъ подумать о томъ городѣ (извѣстномъ ему и по его путешествіямъ, и по семейнымъ преданіямъ), въ которомъ монотеистическій еврейскій элементъ мирно уживался съ арабскимъ язычествомъ и не могъ не оказывать серьезнаго вліянія на вѣрованія и понятія туземцевъ. Если Мухаммедъ рѣшилъ продолжать свою проповѣдь, то онъ долженъ былъ теперь попытать успѣха въ Ятрибѣ (Мединѣ); болѣе удобнаго мѣста для воспріятія Ислама онъ не могъ найти во всей Аравіи. Случай завязать сношенія всего легче могъ представиться во время великаго весенняго праздника, когда и изъ Ятриба приходило въ Мекку множество богомольцевъ. Мухаммедъ не откладывалъ дѣла и въ первый же (по возвращеніи его изъ Таифа) праздникъ, въ мартѣ 620 г., успѣшно началъ приводить въ исполненіе свой планъ.

ГЛАВА XII.

Первые ансары.—Хиджра.—Договоры.

Праздничныя торжества, начинавшіяся у Каабы, заканчивались соборнымъ жертвоприношеніемъ въ долинѣ Мина. Между этой долиной и Меккой была горная дорога, называвшаяся Акаба. По

этой дорогѣ въ послѣдніе дни праздника двигались огромныя толпы богомольцевъ. Находившійся между ними Мухаммедъ замѣтилъ группу людей племени Хазраджъ—одного изъ двухъ главныхъ племенъ, населявшихъ Ятрибъ; притомъ Бену-Хазраджъ въ послѣднее время находились въ формальномъ союзѣ съ ятрибскими евреями. Отъ нихъ они много разъ слыхали—и при теперешнихъ своихъ дружескихъ сношеніяхъ, и при прежнихъ враждебныхъ столкновеніяхъ,—что Богъ воздвигнетъ великаго пророка, чтобы утвердить истинную вѣру и сокрушить язычество. Такія рѣчи, при уваженіи и довѣріи арабовъ къ «людямъ писанія», производили на нихъ сильное впечатлѣніе. Вѣроятно Мухаммедъ прислушался къ разговору этихъ арабовъ и замѣтилъ въ нихъ особое религіозное настроеніе. Онъ подошелъ къ нимъ и, освѣдомившись объ ихъ происхожденіи, спросилъ: «вы изъ тѣхъ, что въ союзѣ съ іудеями?» Получивши утвердительный отвѣтъ, онъ попросилъ ихъ сѣсть въ сторонѣ отъ дороги, за скалою, и выслушать его. Они охотно согласились, и онъ сталъ проповѣдывать единаго, истиннаго Бога и возвѣстилъ имъ Исламъ. Тогда они стали говорить между собою: «какъ передъ Богомъ, товарищи! не это-ли тотъ самый пророкъ, о которомъ сказывали намъ іудеи, что время его уже близко, и что, когда онъ возстанетъ, они пойдутъ за нимъ и побьютъ всѣхъ враждебныхъ имъ арабовъ и истребятъ ихъ, какъ были истреблены въ древности невѣрныя племена Адъ и Ирамъ? Не лучше-ли теперь намъ предупредить ихъ и первыми пристать къ пророку?» И, обращаясь къ Мухаммеду, они сказали: «земляки наши—самые сварливые и разрозненные изъ всѣхъ народовъ, и потому мы уже хотѣли покинуть ихъ. Но вотъ, быть можетъ, истинный Богъ соединитъ насъ всѣхъ чрезъ тебя. Поэтому мы вернемся въ городъ нашъ и положимъ дѣло твое передъ глазами соплеменниковъ нашихъ, и вложимъ въ уши ихъ вѣру эту, которую приняли отъ тебя. И если истинный Богъ въ соединеніи приведетъ ихъ къ тебѣ, не будетъ человѣка во всей землѣ сильнѣе тебя». Затѣмъ они оставили посланника Божія и возвратились въ мѣсто свое, исполненные вѣры и вѣрности. А на будущій годъ они обѣщали вернуться въ то же время и на то же мѣсто и привести другихъ. Было же ихъ всего шесть человѣкъ.

Они сдержали обѣщаніе, и на слѣдующій 621 г. въ концѣ праздника пришли къ Акабѣ двѣнадцать человѣкъ, увѣровавшихъ, изъ Ятриба—десять изъ племени Хазраджъ и два изъ племени Аусъ. Они торжественно принимаютъ Исламъ и приносятъ Мухаммеду клятву (такъ называемую малую, или *клятву женщинъ*), которою обязуются: не признавать другого Бога кромѣ Единаго, не

воровать, не прелюбодѣйствовать, не умерщвлять своихъ дѣтей, не сочинять и не распространять клеветы и быть послушными посланнику Божію во всякомъ добромъ дѣлѣ. Принявъ отъ нихъ эту клятву, Мухаммедъ сказалъ: «если вы все это исполните, то рай принадлежитъ вамъ навѣрно; если же въ чемъ согрѣшите, то отъ Бога зависитъ наказать васъ или помиловать». Затѣмъ Мухаммедъ отрядилъ съ ними изъ прежнихъ мусульманъ испытаннаго въ вѣрѣ Мусаба, сына Омейрова, чтобы наставлять ихъ въ Коранѣ и предстоять на общей молитвѣ.

Вскорѣ послѣ этого Мухаммедъ имѣлъ ночное видѣніе не во снѣ, и не на яву, а въ восхищеніи духа. Невѣдомая сила, которую онъ признавалъ за архангела Гавріила, подняла его съ ложа и вывела изъ дому. Онъ увидѣлъ волшебнаго коня эль-Боракъ (молнія) и, сѣвъ на него, въ одно мгновеніе очутился въ Іерусалимѣ, около дома молитвы. Здѣсь находитъ онъ сонмъ пророковъ и среди нихъ Авраама, Моисея и Іисуса Христа. Онъ молится вмѣстѣ съ ними. Затѣмъ ему подносятъ три чаши: одну съ водою (по другому варіанту—съ медомъ), другую—съ виномъ и третью съ молокомъ. Онъ слышитъ чей-то голосъ, говорящій: «если онъ возьметъ воду, то потонетъ вмѣстѣ съ общиной своей; если возьметъ вино, то будетъ блуждать съ общиной своей, если возьметъ молоко, то пойдетъ правымъ путемъ съ общиной своей». Мухаммедъ выбираетъ чашу съ молокомъ. Послѣ того онъ проходитъ черезъ семь небесъ и достигаетъ лицезрѣнія Самого Бога, отъ Котораго получаетъ для мусульманъ заповѣдь пятидесяти ежедневныхъ молитвъ. Но на обратномъ пути у воротъ каждаго неба онъ встрѣчаетъ одного изъ великихъ пророковъ, который внушаетъ ему, что мусульмане не вынесутъ такого большого числа молитвъ и чтобы онъ просилъ Бога сократить ихъ. Онъ такъ и дѣлаетъ, и при выходѣ изъ послѣдняго неба число молитвъ сводится къ тѣмъ пяти, которыя установлены въ Коранѣ. По возвращеніи къ себѣ Мухаммедъ находитъ, что тотъ сосудъ съ водой, который онъ въ началѣ видѣнія опрокинулъ, вставая съ ложа, еще не успѣлъ весь вытечь на землю.

На другой день Мухаммедъ разсказалъ свое видѣніе правовѣрнымъ, но такъ какъ онъ самъ не могъ дать яснаго отчета въ характерѣ явленія, то многіе мусульмане пришли сначала въ недоумѣніе, однако скоро успокоились на простомъ рѣшеніи, которое высказалъ Абу-Бекръ: «какъ онъ говоритъ, такъ, значитъ, и было». За это Мухаммедъ далъ ему прозваніе Эс-сиддикъ — свидѣтель правды.

Между тѣмъ Мосабъ Ибн-Омейръ и двѣнадцать ятрибскихъ му-

сульманъ дѣлали свое дѣло, и на праздникъ 622 г. прищло въ Мекку изъ Ятриба уже 75 обращенныхъ въ Исламъ. Мухаммедъ и его близкіе сошлись съ ними въ той же Акабѣ. Кромѣ мусульманъ сопровождалъ Мухаммеда дядя его эль-Аббасъ (родоначальникъ одной изъ будущихъ династій халифата), который не принялъ новой вѣры, но и не враждовалъ противъ нея, какъ и умершій братъ его Абу-Талибъ, хотя и по другимъ причинамъ: тотъ имѣлъ сердечную привязанность къ племяннику, тогда какъ Аббасъ, отличавшійся дипломатическими способностями и практическимъ чутьемъ, сообразилъ, что изъ дѣла, поднятаго Мухаммедомъ, начинаетъ что-то выходить, и что нѣтъ выгоды съ нимъ ссориться и сжигать свои корабли. Между тѣмъ и Мухаммедъ нуждался въ Аббасѣ, какъ въ одномъ изъ старѣйшинъ своего рода, чтобы дать своему рѣшительному шагу законную форму, съ точки зрѣнія арабовъ. Аббасъ заявилъ собранію, что его племянникъ Мухаммедъ находился до сихъ поръ подъ защитой своего рода, но что теперь онъ предпочитаетъ защиту людей ятрибскихъ, и что онъ, Аббасъ, отъ имени рода Хашимова и Мутталибова спрашиваетъ присутствующихъ людей изъ племенъ Хазраджа и Ауса, желаютъ-ли они принять Мухаммеда къ себѣ, какъ одного изъ своихъ; и когда ятрибскіе мусульмане громко выразили свое согласіе, Аббасъ объявилъ Мухаммеда отпущеннымъ и свободнымъ отъ обязанностей къ своему роду. Тогда Мухаммедъ въ свою очередь потребовалъ отъ ятрибцевъ, чтобы они поклялись, что будутъ защищать его отъ всякой обиды хотя-бы оружіемъ, какъ они защищаютъ своихъ женъ и дѣтей. Послѣ этой клятвы, которую называютъ великой или *клятвой мужей*, Мухаммедъ избралъ 12 человѣкъ — 9 изъ Хазраджей и 3 изъ Аусовъ — для управленія ятрибскою общиною и для дальнѣйшей проповѣди Ислама.

Очень скоро послѣ этого собранія большинство мекканскихъ мусульманъ, съ Омаромъ во главѣ, переселилось въ Ятрибъ. При Мухаммедѣ, откладывавшемъ по неизвѣстной причинѣ свой переѣздъ, оставались только Абу-Бекръ и Али. Но когда стало извѣстно, что корейшиты собираются силой задержать пророка, и пошли даже слухи о заговорѣ противъ его жизни, пришлось принять мѣры къ скорому и тайному бѣгству. Абу-Бекръ купилъ двухъ верблюдовъ и съ надежнымъ проводникомъ отправилъ ихъ въ условленное мѣсто по южной дорогѣ, гдѣ было меньше опасности преслѣдованія. Въ назначенную ночь Али надѣлъ красный плащъ пророка и остался въ его домѣ, а Мухаммедъ съ Абу-Бекромъ тайными проходами вышли изъ города по направленію къ югу, безлюдными тропинками

прошли къ горѣ Таура и спрятались въ одной пещерѣ, куда домашніе Абу-Бекра приносили имъ въ теченіе трехъ дней съѣстные припасы. На четвертую ночь они вышли изъ пещеры и пробрались къ тому мѣсту, гдѣ ждалъ ихъ проводникъ съ верблюдами. Мухаммедъ сѣлъ на верблюдицу Аль-Касва, Абу-Бекръ на другого верблюда, и они окружнымъ путемъ, избѣгая большой караванной дороги, черезъ восемь дней достигли ятрибскаго пригорода Коба, откуда Мухаммедъ, восторженно привѣтствуемый мекканскими «переселенцами» (могаджирами) и ятрибскими «союзниками» (ансарами), торжественно вступилъ въ городъ, ставшій оттолѣ городомъ пророка (Мединет-наби, или просто Медина), и остановился въ домѣ одного изъ Бену-Хазраджей—Абу-Эйюба, пока ему не построили (въ слѣдующемъ году) двухъ особыхъ домовъ (для двухъ его женъ) и рядомъ съ ними особое зданіе для молитвенныхъ собраній—первую мусульманскую мечеть.

Вскорѣ по прибытіи въ Ятрибъ Мухаммедъ далъ своей общинѣ писанный уставъ, окончательно выдѣлявшій ее изъ арабскаго язычества съ его родовымъ бытомъ и племенными дѣленіями и полагавшій основаніе мусульманству, какъ религіозно-общественному и политическому строю. По этому уставу, всѣ вѣрующіе, какъ изъ корейшитовъ, такъ и изъ ятрибскихъ жителей, переселенцы и союзники (могаджиры и ансары), составляютъ одинъ нераздѣльный и равноправный народъ. Нѣтъ болѣе раздѣленія на племена, а есть только противоположеніе между правовѣрными и невѣрными. Между правовѣрными не должно быть никакихъ раздоровъ, и старые племенные и родовые счеты должны быть забыты: — Кровная месть между родами, принявшими Исламъ, отмѣняется.—Правовѣрные должны защищать другъ друга оружіемъ противъ всякаго нападенія.—Рѣшеніе всѣхъ спорныхъ вопросовъ должно быть предоставлено Богу и Мухаммеду.

Изъ общей массы невѣрныхъ, естественно, были выдѣлены ятрибскіе арабы, еще не принявшіе Ислама, но не противодѣйствовавшіе ему, а также іудеи этого города. И въ тѣхъ, и въ другихъ Мухаммедъ видѣлъ ближайшихъ кандидатовъ на мусульманство, что относительно арабовъ и оправдалось черезъ нѣсколько времени. И съ тѣми, и съ другими былъ заключенъ договоръ. Язычники Ятриба обязывались не вступать въ мирныя сношенія съ языческими корейшитами и ихъ союзниками, а Мухаммедъ обязался не укрывать между мусульманами воровскихъ людей отъ законнаго преслѣдованія. Съ евреями былъ заключенъ болѣе тѣсный союзъ. Они обязались поддерживать дѣло Ислама денежными взносами и

въ тяжебныхъ дѣлахъ между своими и мусульманами принимать рѣшеніе Мухаммеда. Защита Ятриба отъ внѣшняго нападенія была признана общимъ дѣломъ всѣхъ живущихъ въ городѣ—язычниковъ, мусульманъ и іудеевъ.

ГЛАВА XIII.

Недовольство Мухаммеда противъ евреевъ.—Перемѣна киблы. Повышенное самосознаніе.

Переселеніе Мухаммеда изъ Мекки въ Ятрибъ имѣло для мусульманства прежде всего то значеніе, какое паденіе Іерусалима съ 70 г. имѣло для христіанства: и въ томъ, и въ другомъ случаѣ обрывалась историческая пуповина, связывавшая новую религію съ материнской почвой. Но насколько мусульманство было проще христіанства, настолько историческій процессъ его развитія совершался быстрѣе, былъ короче и сосредоточеннѣе, и потому послѣднія десять лѣтъ жизни Мухаммеда, отъ хиждры до смерти пророка, совмѣстили для его религіи совокупность перемѣнъ, которымъ въ исторіи христіанства соотвѣтствуетъ все то, что произошло въ почти трехъ-вѣковую эпоху, отъ взятія Іерусалима Титомъ до смерти Константина Великаго (70—337 г.г.).

Въ эти десять лѣтъ (622—632) произошло слѣдующее: новый религіозный союзъ, образовавшійся вокругъ Мухаммеда: 1) рѣшительно обособился отъ языческихъ соплеменниковъ въ Меккѣ; 2) столь-же рѣшительно обособился отъ іудеевъ въ Ятрибѣ; 3) сознялъ свое религіозное начало, какъ высшее и окончательное откровеніе; 4) къ религіозному своему характеру присоединилъ политическій, организовался въ гражданское общество и государство; 5) усвоилъ идею священной войны; 6) черезъ успѣшное примѣненіе этой идеи овладѣлъ центральнымъ святилищемъ арабовъ и занялъ господствующее положеніе во всей Аравіи, и 7) переступилъ за предѣлы національно-религіознаго сознанія, призналъ за собой универсальное значеніе и назначеніе, и сдѣлалъ первые шаги къ его осуществленію.

Мухаммедъ, убѣжденный въ томъ, что получилъ непосредственное откровеніе отъ Бога, наравнѣ съ прежними «посланниками», не чувствовалъ никакого побужденія (еслибы даже имѣлъ возможность) изучать тѣ древнія священныя книги, на которыя такъ часто ссылался. Ятрибскіе евреи, съ которыми ему пришлось имѣть

дѣло, не могли конечно стать на его точку зрѣнія. Противъ его мессіанскаго достоинства (на признаніе котораго съ ихъ стороны онъ, безъ сомнѣнія, разсчитывалъ) они съ самаго начала уже имѣли одно сильное возраженіе: онъ былъ арабъ, принадлежалъ къ сынамъ Измаиловымъ, а не къ сынамъ Израилевымъ. Это препятствіе еще можно было устранить съ помощью какой-нибудь фантастической родословной. Но когда эти «люди писаній» убѣдились въ крайне поверхностномъ знакомствѣ Мухаммеда съ Библіей, онъ потерялъ всякое религіозное значеніе въ ихъ глазахъ, и они прямо стали смѣяться надъ его притязаніями. Мухаммедъ очень скоро понялъ безнадежность своего положенія съ этой стороны и прекратилъ всякія попытки къ сближенію. Дѣло было для него рѣшено. «Богъ послалъ евреямъ Коранъ для подтвержденія ихъ писаній, но они не повѣрили», объявилъ онъ (Сура II) и, въ знакъ совершившагося религіознаго разрыва, перемѣнилъ *киблу*, т. е. тотъ пунктъ, къ которому должны были обращать свое лицо мусульмане при молитвѣ. До сихъ поръ киблою былъ Іерусалимъ, теперь молящимся было предписано обращать свое лицо къ Меккѣ. Вотъ какъ самъ Мухаммедъ объясняетъ эту перемѣну.

«Безумный спроситъ: почему Мухаммедъ перемѣнилъ мѣсто, куда обращаться при молитвѣ?—Отвѣчай: «востокъ и западъ принадлежатъ Господу; онъ ведетъ, кого хочетъ, правымъ путемъ. Мы утвердили васъ срединнымъ народомъ, какъ свидѣтелей противъ остальныхъ народовъ такъ же, какъ вашъ посланникъ будетъ свидѣтелемъ противъ васъ. Мы перемѣнили мѣсто молитвеннаго обращенія, чтобы отличить тѣхъ, которые слѣдуютъ за посланникомъ Божіимъ, отъ возвращающихся къ невѣрію» (Сура II, 136—138).

Мухаммедъ съ самаго начала зналъ и заявлялъ, что «Исламъ есть религія Бога вселенной» (Сура VI). Но теперь, послѣ своего перваго рѣшительнаго успѣха, онъ выставляетъ себя если не исключительнымъ, то преимущественнымъ провозвѣстникомъ этой универсальной религіи. «Скажи: о люди! воистину я посланъ ко всѣмъ вамъ отъ Бога, Его же царство неба и земли. Нѣтъ Бога, кромѣ Него» (Сура VII, 158).

«Онъ (Богъ) изглаживаетъ и оставляетъ въ писаніяхъ, что хочетъ. Подлинникъ въ его рукахъ» (Сура XIII, 13).

«Богъ послалъ съ неба самую превосходную изъ книгъ. Одно и то же ученіе повторяется тамъ безпрестанно. Боящіеся Господа чувствуютъ дрожь при ея чтеніи» (Сура XXXIX, 24).

«Подлинникъ Корана сохраняется Богомъ на небѣ» (Сура XLIII, 3).

«Клянусь книгою очевидности! Мы послали ее тебѣ въ благословенную ночь, чтобы научить смертныхъ. *Въ ту же ночь вѣчная Премудрость наложила печать на свои законы.* Это Мы даемъ людямъ достоинство апостоловъ» (Сура XLIV, 1—4).

ГЛАВА XIV.

Идея священной войны. — Первыя примѣненія ея: битвы при Бедрѣ и Оходѣ.

Дѣло Божіе должно торжествовать на землѣ. Оно торжествуетъ черезъ добровольную преданность вѣрныхъ и черезъ вынужденную покорность невѣрныхъ. Добрые убѣждаются проповѣдью посланника Божія, злые принуждаются къ повиновенію его мечомъ. Когда еще до хиджры Мухаммедъ взялъ съ ансаровъ «клятву мужей», т. е. обязательство защищать его оружіемъ, идея священной войны была уже, очевидно, принята имъ. Въ позднѣйшихъ Сурахъ Корана, данныхъ въ Мединѣ, эта идея утверждается съ большою настойчивостью.

«Пусть тѣ, которые жертвуютъ жизнью этого міра ради будущей жизни, соберутся подъ знамя Господа, и падутъ ли они въ сраженіи или выйдутъ изъ него побѣдителями, они получатъ славныя награды». (Сура IV, 76).

«Зачѣмъ велишь ты воевать, зачѣмъ не даешь намъ достигнуть конца дней нашихъ? Отвѣчай: «наслажденія міра проходятъ, будущая жизнь есть истинное благо для боящихся Бога. Тамъ никто не будетъ обманутъ» (тамъ же, 79).

«Если встрѣтите невѣрныхъ, сражайтесь съ ними, пока не произведете великаго избіенія. На плѣнныхъ наложите цѣпи... Богъ могъ бы истребить ихъ и безъ вашей помощи, но Онъ хочетъ испытывать васъ однихъ черезъ другихъ. О вѣрующіе! Защищайте дѣло Божіе... Онъ вамъ поможетъ и утвердитъ шаги ваши» (Сура XLVII, 4—6).

«Сражайтесь съ врагами вашими на войнѣ за вѣру, но не нападайте первые: Богъ ненавидитъ нападающихъ. Убивайте враговъ вашихъ вездѣ, гдѣ найдете ихъ; изгоняйте ихъ оттуда, откуда они васъ изгоняли. Отступничество хуже убійства. Не сражайтесь съ ними у святого храма, развѣ только они вызовутъ васъ. Если нападутъ на васъ,—купайтесь въ крови ихъ. Такова награда невѣрныхъ. Если покинутъ заблужденіе свое—Господь снисходителенъ и

милостивъ. Сражайтесь съ врагами, доколѣ нечего будетъ бояться соблазна,—доколѣ не утвердится Исламъ. Да прекратится всякая вражда противъ покинувшихъ идоловъ. Ваша ненависть да воспламеняется только противъ превратныхъ. Если нападутъ на васъ въ священномъ мѣстѣ,—и въ священномъ мѣстѣ воздайте имъ тѣмъ же» (Сура II, 186—190).

При всей ожесточенности тона въ этомъ воззваніи, слова: «*сражайтесь съ врагами, доколь нечего будетъ бояться соблазна, — доколь не утвердится Исламъ*» — ясно показываютъ, что священная война была для Мухаммеда религіозно-политической мѣрой, временно необходимой, а никакъ не постояннымъ религіознымъ принципомъ. Относительно этого не можетъ оставаться никакого сомнѣнія, когда черезъ нѣсколько стиховъ въ той же Сурѣ читаемъ: «не дѣлайте насилія людямъ изъ-за ихъ вѣры. Путь спасенія достаточно отличенъ отъ пути заблужденія». Такимъ образомъ и въ Мединѣ Мухаммедъ не измѣнилъ тому, что говорилъ въ Меккѣ. «Мы знаемъ рѣчи невѣрныхъ. Не употребляй противъ нихъ насилія» (Сура L, 44).

Цѣль священной войны не есть обращеніе невѣрныхъ въ Исламъ, а только ихъ покорность Исламу. Такимъ образомъ противорѣчіе здѣсь только кажущееся, и въ ученіи Мухаммеда вѣротерпимость вполнѣ совмѣщается съ идеей священной войны.

Эта идея, навязанная Мухаммеду жизненною необходимостью, скоро должна была перейти въ фактъ. Обособленный въ Ятрибѣ и организованный Исламъ пересталъ быть только религіознымъ принципомъ, онъ сталъ уже реальною, религіозно-политическою и военною силой, которая должна была показать себя на дѣлѣ.

На другой годъ хиджры (въ октябрѣ 623 г.) Мухаммедъ послалъ одного изъ своихъ могаджировъ съ семью товарищами къ Меккѣ на развѣдку. Близъ сосѣдняго съ Меккой селенія Нахла они подстерегли караванъ, шедшій съ пряностями и кожами изъ Іемена подъ конвоемъ четырехъ корейшитовъ. Хотя уже начался ваджабъ, одинъ изъ четырехъ священныхъ и мирныхъ мѣсяцевъ Аравіи, мусульмане напали на караванъ, одного изъ конвоя убили, одинъ убѣжалъ въ Мекку, а двухъ они взяли въ плѣнъ и привели вмѣстѣ съ награбленной добычей къ Мухаммеду въ Ятрибъ. Тотъ сначала выразилъ негодованіе на нарушеніе національнаго обычая, но черезъ нѣсколько времени, опираясь на принципъ, что «идолопоклонство хуже, чѣмъ убійство», примирился съ совершившимся фактомъ и раздѣлилъ между своими награбленную добычу. А черезъ три мѣсяца онъ отважился на новое, болѣе значительное пред-

пріятіе противъ мекканцевъ. Отъ разосланныхъ имъ развѣдчиковъ онъ узналъ, что большой караванъ, ходившій изъ Мекки въ Сирію подъ предводительствомъ знатнаго между корейшитами Абу Софьяна, изъ дома Омайи, во главѣ военнаго отряда въ 950 человѣкъ, съ 700 верблюдами и 100 конями, вступилъ, на обратномъ пути, въ Хиджазъ съ богатыми товарами на 50.000 динаровъ (300—400 тысячъ рублей). Мухаммедъ рѣшилъ въ этотъ разъ самъ напасть на враговъ: дѣло того стоило. Вокругъ него кромѣ 83 могаджировъ собралось еще ансаровъ 231 человѣкъ (170 изъ племени Хазраджъ и 61 изъ племени Аусъ) — всего 314 вооруженныхъ людей съ 70 верблюдами и двумя конями. Такимъ образомъ силы мусульманъ не достигали и трети силъ противниковъ, но это численное неравенство съ избыткомъ окупалось высокимъ одушевленіемъ и крѣпкимъ единствомъ въ дружинѣ пророка. Это первое военное дѣло мусульманства произошло въ оазисѣ Бедръ (140 верстъ на юго-западъ отъ Медины и около 280 верстъ на сѣверо-сѣверо-западъ отъ Мекки) 17 Рамазана 2 года хиджры (13 января 624 г. по Р. Х.). Битва продолжалась только нѣсколько часовъ; мекканцы, потерявъ около 50 человѣкъ убитыми и столько же плѣнными, въ безпорядкѣ бѣжали. Мусульмане, изъ которыхъ было убито только 14, раздѣлили добычу (одну пятую въ священную казну, одного верблюда и одинъ мечъ, по выбору, Мухаммеду, остальное поровну между сражавшимися) и съ торжествомъ вернулись въ Ятрибъ. Изъ плѣнныхъ корейшитовъ Мухаммедъ велѣлъ убить двухъ своихъ личныхъ враговъ, прочіе были оставлены для выкупа. Торжество Мухаммеда, нравственно омраченное личной местью, было омрачено и Божьимъ наказаніемъ. Въ то время, какъ въ Бедрѣ онъ уступилъ чувству ненависти, въ Ятрибѣ умерла его дочь Рокайя, жена Османа. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, чтобы утѣшить огорченнаго зятя, онъ отдалъ за него другую дочь Омм-Кольтумъ. Самъ Мухаммедъ былъ на столько экзальтированъ быстрымъ успѣхомъ при Бедрѣ, который онъ приписывалъ вмѣшательству 3.000 ангеловъ подъ начальствомъ Гавріила и Михаила, что не извлекъ никакого нравственнаго урока изъ смерти Рокайи, и черезъ нѣсколько времени по его указанію были убиты еще два человѣка, уже изъ ятрибскихъ жителей: одна женщина, по имени Асма́, и одинъ еврей, по имени Абу Афанъ. Преступленіе обоихъ состояло въ томъ, что они сочиняли и распространяли насмѣшливые стихи противъ Мухаммеда.

Въ это же время вѣроятно рѣшено было покончить съ евреями. Черезъ нѣсколько недѣль послѣ битвы при Бедрѣ, въ предмѣстьи

Ятриба, населенномъ еврейскимъ племенемъ Бену-Кейнока, произошла уличная драка вслѣдствіе нападенія мусульманина на еврейскую женщину; драка закончилась двойнымъ убійствомъ — обидчика и защитника обиженной. Мухаммедъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы объявить войну всѣмъ Бену-Кейнока. Аравійскіе евреи, несмотря на религіозную связь, усвоили себѣ дурные нравы страны и раздробились на отдѣльныя племена, лишенныя практической солидарности между собой. Поэтому опасность, угрожавшая Бену-Кейнока, нисколько не обезпокоила два другія племени ятрибскихъ евреевъ—Бену-Надиръ и Бену-Корейза. А чтобы справиться съ однимъ племенемъ, у Мухаммеда уже было достаточно силы. Послѣ двухнедѣльной осады Бену-Кейнока, замореннные голодомъ, сдались и должны были выселиться изъ Ятриба. Они покинули Аравію и поселились въ Сиріи, въ мѣстечкѣ Адріатъ (на востокъ отъ Іордана). Черезъ годъ та же участь постигла и другое племя, Бену-Надировъ, безо всякаго уже повода съ ихъ стороны, если не считать таковымъ предполагаемое намѣреніе одного еврея убить Мухаммеда, о чемъ сей послѣдній узналъ будто бы отъ архангела Гавріила въ особомъ откровеніи. (Съ остальными евреями Мухаммедъ покончилъ нѣсколько позднѣе, о чемъ будетъ сказано далѣе).

Между тѣмъ въ Меккѣ собирались отмстить за пораженіе при Бедрѣ. Учрежденъ былъ общественный трауръ, который долженъ былъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока Мухаммедъ не будетъ побѣжденъ. Но сначала нужно было выкупить плѣнныхъ. Это повело къ долгимъ переговорамъ, но въ результатѣ операція выкуповъ оказалась для корейшитовъ гораздо выгоднѣе, по крайней мѣрѣ въ матеріальномъ отношеніи, чѣмъ они могли думать: многіе изъ плѣнныхъ, пораженные успѣхомъ Мухаммеда, увѣровали въ его посланничество и приняли Исламъ, такъ что ихъ уже не пришлось выкупать. Мухаммедъ отпустилъ ихъ на родину даромъ, взявши клятву, что они не отступятъ отъ мусульманства.

Только черезъ годъ послѣ сраженія при Бедрѣ удалось вождю корейшитовъ, Абу-Софьяну, собрать военныя силы, достаточныя для того, чтобы съ надеждой на успѣхъ напасть на пророка въ его собственномъ убѣжищѣ. Эти силы состояли изъ 3.000 хорошо вооруженныхъ человѣкъ (между ними 700 въ панцыряхъ) съ 3.000 верблюдовъ и 200 коней. Кромѣ корейшитовъ тутъ были и союзники изъ другихъ племенъ. Въ огромномъ обозѣ было много женщинъ съ музыкальными орудіями для ободренія сражающихся. Это войско подошло къ Мединѣ 5 Шавваля 3 года (24 января 625 г. по Р. Х.) и остановилось въ равнинѣ, отдѣляющей городъ отъ горы Оходъ.

На другой день, послѣ нѣкоторыхъ колебаній и совѣщаній, Мухаммедъ рѣшилъ не дожидаться осады. Онъ вывелъ за городскія ворота свое маленькое войско, въ которомъ было 700 человѣкъ его дружины (могаджировъ и ансаровъ) и 300 человѣкъ изъ ятрибцевъ, не принявшихъ Ислама, а вошедшихъ въ оборонительный союзъ съ мусульманами. Ночью предводитель этого вспомогательнаго отряда Абдаллахъ Ибнъ-Убай счелъ болѣе благоразумнымъ покинуть Мухаммеда и возвратиться со своими людьми въ городъ.

Рано утромъ 7 Шаввала (26 января) Мухаммедъ быстрымъ движеніемъ обошелъ непріятеля и занялъ выгодную позицію въ ущельѣ горы Оходъ, повернувъ фронтъ къ Мединѣ, а тылъ и правый флангъ поставивъ подъ защиту высокихъ скалъ. На лѣвомъ же открытомъ флангѣ онъ выбралъ холмъ, съ котораго была видна вся равнина между горой и городомъ, и поставилъ тамъ полсотни лучшихъ своихъ стрѣлковъ, поручивъ имъ наблюдать за непріятелемъ, чтобы предупредить возможный съ его стороны обходъ. Мухаммедъ имѣлъ время сдѣлать эти распоряженія, такъ какъ корейшиты, стоявшіе лицомъ къ Мединѣ и ожидавшіе нападенія оттуда, когда узнали о движеніи Мухаммеда къ сѣверной горѣ, должны были повернуть фронтъ и передвинуть обозъ. Когда они двинулись къ занятому Мухаммедомъ ущелью, сраженіе началось, по арабскому обычаю, единоборствами. Затѣмъ усилія мусульманъ, подъ предводительствомъ зятя Мухаммедова, Али, направились на священное знамя Каабы, которымъ они и завладѣли, перебивъ одного за другимъ одиннадцать смѣнявшихъ другъ друга знаменосцевъ. Когда знамя корейшитовъ пало, а въ то же время аттака одного изъ ихъ вождей, Халида, противъ лѣваго фланга мусульманъ была отбита Мухаммедовыми стрѣлками, мекканское войско смѣшалось и подалось назадъ. Передовой отрядъ мусульманъ прорвалъ ряды отступавшаго непріятеля и ворвался въ его обозъ. Тутъ старые разбойничьи нравы взяли верхъ надъ новымъ религіознымъ одушевленіемъ, и правовѣрные герои, какъ истые бедуины, бросились на богатую добычу. Ихъ товарищи-стрѣлки, увидѣвши оборотъ дѣла, не захотѣли себя обидѣть и, бросивъ свою позицію, устремились туда же на грабежъ. Увидавъ это, тотъ же Халидъ ударилъ въ оставшійся безъ всякаго прикрытія лѣвый флангъ Мухаммедовой дружины, а затѣмъ и все корейшитское войско, ободренное замѣшательствомъ мусульманъ, перешло въ наступленіе и стѣснило ихъ въ ущельи. Самъ Мухаммедъ былъ раненъ камнемъ изъ пращи въ лицо, а потомъ еще мечомъ въ колѣно, и упалъ въ ровъ. Его подняли покрытаго кровью и грязью и пронесли сквозь ущелье въ

безопасное мѣсто на скалахъ, куда собрались вокругъ него мусульмане, уцѣлѣвшіе въ битвѣ и не убѣжавшіе въ Медину. Между тѣмъ дядя Мухаммеда, Хамза, левъ Ислама, былъ убитъ, а съ нимъ болѣе 70 мусульманъ. Среди торжествовавшихъ корейшитовъ распространился слухъ о смерти самого пророка. Абу-Софьянъ въѣхалъ на своемъ конѣ въ ущелье и, приблизившись на разстояніе человѣческаго голоса къ новой позиціи мусульманъ, крикнулъ: «правда ли, что Мухаммедъ убитъ?»—«Онъ живъ и еще задастъ вамъ»,—крикнулъ ему въ отвѣтъ Омаръ. —«Ладно! черезъ годъ сойдемся при Бедрѣ».—«Да! до свиданія въ Бедрѣ».

Въ то время, какъ вождь корейшитовъ такъ благородно условливался съ побѣжденными врагами о новомъ сраженіи, его жена Хиндъ совсѣмъ въ другомъ родѣ поминала старое. Ея отецъ Отба былъ убитъ при Бедрѣ упомянутымъ дядей Мухаммеда, Хамзой. Теперь она отыскала трупъ этого кровнаго врага, распорола ему животъ и, вырвавъ печень, съѣла ее сырьемъ. Другія женщины только отрѣзали у убитыхъ мусульманъ носы и уши и дѣлали себѣ изъ нихъ ожерелья.

ГЛАВА XV.

Окопная война и ея слѣдствія.

Корейшиты, потерявшіе не болѣе 30 человѣкъ убитыми, были вполнѣ довольны одержанною побѣдою и не намѣревались ни дѣлать облавы на засѣвшую въ горахъ дружину Мухаммеда, ни нападать на Ятрибъ. Посвятивъ одинъ день на отдыхъ и погребеніе мертвыхъ, они отправились назадъ въ Мекку, а Мухаммедъ, никѣмъ не тревожимый, вернулся въ Ятрибъ и на другой день выступилъ къ западу, дѣлая видъ, что преслѣдуетъ уходящихъ корейшитовъ. Дойдя до ближайшаго по дорогѣ въ Мекку селенія Хамра-эль-Асадъ (верстахъ въ 20-ти отъ Медины), онъ провелъ тамъ три дня, велѣлъ зажечь сторожевые огни по окрестнымъ скаламъ и затѣмъ вернулся въ городъ.

Въ битвѣ при Оходѣ Мухаммедъ показалъ болѣе полководческаго таланта въ началѣ, чѣмъ личной храбрости въ концѣ. Онъ упалъ въ ровъ болѣе отъ испуга, нежели отъ раны; онъ носилъ на себѣ двойной панцырь съ налокотниками и наколѣнниками, такъ что поранившій его мечъ Ибн-Камія не коснулся его тѣла; кровь же, которую увидали на немъ его сподвижники, происходила отъ вы-

шибленнаго камнемъ передняго зуба. Но послѣ ухода корейшитовъ увѣренность въ себѣ и политическая сообразительность вернулись къ Мухаммеду въ полной силѣ. Кромѣ демонстративнаго преслѣдованія далеко отошедшихъ побѣдителей, онъ подъ разными предлогами разослалъ нѣсколько отрядовъ противъ бедуиновъ пустыни, а затѣмъ, какъ было сказано, обрушился на еврейское племя Бену-Надиръ и выгналъ его изъ Аравіи. Этимъ онъ поддержалъ свой престижъ передъ невѣрными, относительно же мусульманъ онъ сейчасъ же послѣ битвы при Оходѣ воспользовался обстоятельствами этой битвы, чтобы объяснить неудачу въ свою пользу. «Пока вы меня слушались», говорилъ онъ своей дружинѣ, «успѣхъ былъ на нашей сторонѣ; но когда вы ради низкой корысти нарушили волю Божію и приказанія Его посланника, справедливое наказаніе обрушилось на вашу голову—и враги одержали побѣду. Но Богъ милостивъ и снисходителенъ; Онъ простилъ вашъ грѣхъ и не допустилъ васъ до конечной погибели».

Къ этому нравственному утѣшенію Мухаммедъ присоединилъ и матеріальное. Оставшуюся послѣ изгнанныхъ евреевъ весьма значительную поземельную собственность онъ раздѣлилъ между своими могаджирами, которые такимъ образомъ получили осѣдлость и самостоятельныя средства существованія, тогда какъ до сихъ поръ они жили насчетъ гостепріимства ансаровъ. Слѣдовательно и эти послѣдніе получили облегченіе.

Благодаря изгнанію большинства евреевъ и прикрѣпленію могаджировъ, Мухаммедъ сдѣлался господиномъ Ятриба, который съ тѣхъ поръ могъ по праву называться его городомъ (Мединетъ-эн-наби или просто Медина). Многіе изъ жителей города, а также изъ сосѣднихъ бедуиновъ приняли Исламъ, и когда черезъ годъ послѣ битвы при Оходѣ Мухаммедъ выступилъ къ Бедру для условленной встрѣчи съ Абу-Софьяномъ и корейшитами, его войско состояло уже не изъ 700, а изъ 1.500 человѣкъ. Вмѣсто непріятелей мусульмане нашли въ Бедрѣ мирную ярмарку и, поторговавши съ выгодой, вернулись домой. Мекканцы отказались отъ назначеннаго турнира потому, что затѣвали нѣчто болѣе важное. Не полагаясь на однѣ собственныя силы, чтобы покончить съ Мухаммедомъ, они рѣшили устроить коалицію всѣхъ враждебныхъ Исламу элементовъ Аравіи. Кромѣ сосѣднихъ съ Меккою арабскихъ племенъ, давшихъ уже свой контингентъ и при прежнемъ походѣ, въ союзъ вошли три обширныя племени центральной Аравіи: Бену-Гатафанъ, Бену-Солеймъ и Бену-Асадъ, а также еврейская колонія Хейбаръ, куда временно переселились (по пути въ Сирію) и изгнанные Мухамме-

домъ изъ Медины Бену-Надиры. Коалицію устроилъ и союзными войсками предводительствовалъ тотъ же упорный врагъ Мухаммеда — Абу-Софьянъ.

Въ это время, повѣствуетъ преданіе, въ Мединѣ находился одинъ персіянинъ, по имени Салманъ, служившій нѣкогда въ персидскихъ войскахъ и участвовавшій во многихъ походахъ. Затѣмъ онъ подвергся разнымъ бѣдствіямъ и попалъ въ рабство къ одному изъ жителей Медины. Принявши Исламъ, онъ получилъ свободу и ревностно служилъ Мухаммеду. Когда до Медины дошли извѣстія о приближеніи большого войска корейшитовъ и союзниковъ, и Мухаммедъ, не полагаясь на свои силы, рѣшилъ уклониться отъ открытаго боя и выдерживать осаду, этотъ персъ Салманъ пришелъ къ вождю правовѣрныхъ и сообщилъ ему одно средство обороны, успѣшность котораго была извѣдана на опытѣ въ войнахъ персовъ съ ромеями. Это средство, невѣдомое до того арабамъ, состояло во рвахъ и окопахъ, представлявшихъ трудно преодолимое препятствіе, въ особенности для конницы непріятельской и для верблюдовъ. Мухаммедъ оцѣнилъ практичность этого совѣта и поспѣшилъ распорядиться его исполненіемъ. Скоро вся Медина кругомъ была обведена рвами и земляными валами. Когда въ началѣ марта 627 года союзныя войска подступили къ городу, они были остановлены неожиданнымъ и необычайнымъ препятствіемъ. Пришлось начать медленную войну съ непріятелемъ, прикрытымъ надежною защитою. Между тѣмъ союзники, не разсчитывавшіе на такой оборотъ дѣла, не запаслись достаточнымъ количествомъ провіанта для людей и животныхъ, а въ то время года жатва въ окрестныхъ мѣстностяхъ была уже снята жителями. Послѣ напрасныхъ попытокъ перейти рвы, причемъ съ обѣихъ сторонъ пало не болѣе 10 человѣкъ, союзники вошли въ тайные переговоры съ послѣднимъ оставшимся въ Мединѣ еврейскимъ племенемъ Бену-Корейза, склоняя ихъ предать Мухаммеда, столь враждебно поступившаго съ ихъ единовѣрцами, и впустить осаждающихъ въ городъ. Мухаммедъ, узнавши объ этихъ сношеніяхъ, подослалъ своихъ тайныхъ агентовъ, которымъ удалось запутать и затянуть переговоры. Въ то-же время самъ онъ старался подкупить вождя одного изъ союзныхъ съ корейшитами племенъ, Бену-Гатафановъ, чтобы склонить его отдѣлиться отъ союза и увести своихъ людей отъ Медины. Хотя эта попытка и не имѣла успѣха, но союзники, утомленные нѣсколькими недѣлями напраснаго стоянія подъ городомъ при недостаткѣ припасовъ, сняли осаду и разошлись по домамъ. Эта почти безкровная война

осталась въ лѣтописяхъ мусульманства съ названіемъ «окопной войны».

По удаленіи союзниковъ, первымъ дѣломъ Мухаммеда было отмстить евреямъ. Бену-Корейза, у которыхъ было 600 человѣкъ, способныхъ носить оружіе, заперлись въ своемъ кварталѣ, но послѣ двухнедѣльной осады сдались на капитуляцію. Въ прежнія времена это племя находилось въ особомъ союзѣ съ однимъ изъ двухъ арабскихъ племенъ въ Мединѣ, приставшихъ къ Мухаммеду, именно съ племенемъ Аусъ. И теперь евреи надѣялись, что старые союзники заступятся за нихъ передъ Мухаммедомъ и выговорятъ имъ право свободно удалиться изъ Медины, подобно тому, какъ это было сдѣлано относительно Бену-Надировъ ихъ прежними арабскими союзниками, Хазраджами. И дѣйствительно, Мухаммедъ предоставилъ судьбу евреевъ на рѣшеніе вождя Аусовъ, Саада Ибн-Моада. Но онъ зналъ, что этотъ вождь, смертельно раненный въ окопной войнѣ, выражалъ крайнее ожесточеніе противъ всѣхъ враговъ Ислама и, въ особенности, противъ измѣнниковъ-евреевъ. Когда умиравшему арабу передали полномочіе пророка, онъ безъ всякаго колебанія приговорилъ всѣхъ взрослыхъ мужчинъ къ смерти, а женъ и дѣтей къ рабству. Этотъ приговоръ былъ немедленно исполненъ. Около 600 евреевъ были перерѣзаны; только одинъ перешелъ въ мусульманство и этимъ избавился отъ смерти. Одну красивую еврейку, по имени Рейхану, принудили принять Исламъ, и Мухаммедъ взялъ ее въ свой гаремъ; прочія женщины и дѣти были раздѣлены между правовѣрными. Медина сдѣлалась окончательно мусульманскимъ городомъ.

ГЛАВА XVI.

Мирный походъ къ Меккѣ и договоръ съ корейшитами.— Первые шаги за предѣлы Аравіи.

Въ началѣ весны 628 года Мухаммедъ имѣлъ вѣщій сонъ. Ему снилось, что онъ совершилъ священное хожденіе въ Мекку, и что ему передали ключи отъ Каабы. Онъ объявилъ объ этомъ снѣ своимъ вѣрнымъ и повелѣлъ имъ снаряжаться въ благочестивый походъ; изъ оружія нужно было брать только мечи.

Перваго числа мѣсяца Зуль-каада Мухаммедъ, во главѣ 1.500 мусульманъ изъ Медины и изъ сосѣдняго племени Бену-Асламъ, двинулся въ Мекку и безпрепятственно достигъ мѣстечка Осфанъ,

въ 70 верстахъ отъ священнаго города. Тутъ онъ узналъ, что корейшиты, несмотря на наступленіе мѣсяца священнаго мира, вооружились, собрали союзниковъ и выступили противъ него. Свернувъ въ бокъ и обойдя передовые разъѣзды непріятеля, Мухаммедъ съ другой стороны подошелъ къ границѣ священной территоріи и остановился въ мѣстности Ходейбія. Онъ послалъ зятя своего Османа для переговоровъ; за пропускъ къ Каабѣ онъ предлагалъ безопасность мекканскимъ караванамъ на неопредѣленно долгій срокъ. Османъ не возвращался три дня, и мусульмане поймали нѣсколькихъ мекканцевъ, чтобы имѣть заложниковъ. Мухаммедъ выбралъ большое дерево и собралъ вокругъ него всю свою дружину. Онъ сидѣлъ подъ деревомъ, а каждый изъ правовѣрныхъ подходилъ и ударялъ съ нимъ по рукамъ въ новое подтвержденіе неизмѣнной вѣрности. Въ это время вернулся изъ Мекки Османъ съ уполномоченнымъ отъ корейшитовъ Согейлемъ Ибн-Амръ. Онъ принесъ Мухаммеду предложеніе отсрочить до будущаго года входъ свой въ Мекку и поклоненіе Каабѣ. Ревнители Ислама, съ Омаромъ во главѣ, горячо возстали противъ такого унизительнаго предложенія, но Мухаммедъ рѣшилъ его принять. Согласились заключить письменный договоръ. Уполномоченный корейшитовъ не соглашался называть Бога такъ, какъ Онъ называется въ Коранѣ—Благой, Милосердный, а также не хотѣлъ титуловать Мухаммеда посланникомъ Божіимъ. «Все равно, пиши, какъ онъ желаетъ», сказалъ Мухаммедъ Алію, и тотъ, со словъ Согейля, написалъ слѣдующій договоръ:

«Во имя Твое, Аллахъ! Вотъ условія мира, который заключаютъ Мухаммедъ, сынъ Абдаллы, и Согейль, сынъ Амра. Они сошлись на томъ, чтобы между ихъ сторонами не было войны десять лѣтъ и чтобы это время всякому, и съ той, и съ другой стороны, имѣть взаимную безопасность и миръ. Притомъ, если кто отъ стороны Корейша перейдетъ къ Мухаммеду безъ согласія тѣхъ, кто имѣетъ надъ нимъ законную власть, то долженъ быть выданъ, а если кто отъ стороны Мухаммеда перейдетъ къ Корейшу, того не выдавать. Къ тому же быть между нами истинной честности, и никакой потаенной вражды и коварства чтобы не было. Притомъ, если кто изъ другихъ племенъ захочетъ войти въ завѣтъ и союзъ съ тобою, Мухаммедомъ, воленъ это дѣлать, и кто захочетъ войти въ завѣтъ и союзъ съ нами, сынами Корейша, вольно и ему. И еще: долженъ ты, Мухаммедъ, въ этомъ году, не входя къ намъ въ Мекку, очистить нашу мѣстность. А когда пройдетъ годъ, мы передъ прибытіемъ твоимъ очистимъ городъ на три дня, и вольно войти тебѣ и

дружинѣ твоей и оставаться три дня; и быть вамъ въ походномъ вооруженіи, съ мечами въ ножнахъ, а другого оружія тебѣ не имѣть».

Когда договоръ былъ подписанъ и корейшитское посольство удалилось, Мухаммедъ велѣлъ своей дружинѣ совершить заключительные обряды хаджа (жертвенное закланіе барановъ, подстриженіе волосъ) и затѣмъ тронуться въ обратный путь. Услышавъ, какъ Омаръ порицалъ Мухаммеда за малодушіе, Абу-Бекръ внушительно сказалъ ему: «Держись крѣпче за его стремя, ибо онъ—посланникъ Божій».

Мухаммедъ подписалъ договоръ конечно не съ тѣмъ, чтобы его исполнять; ему нужно было собраться съ силами, чтобы нанести рѣшительный ударъ «идолопоклонникамъ Мекки». А пока онъ рѣшилъ покончить съ іудеями въ Аравіи, какъ уже покончилъ съ ними въ Мединѣ. Въ апрѣлѣ того же 628 г. онъ выступилъ съ своей дружиной, въ томъ же приблизительно числѣ, какъ и для священнаго похода, но съ болѣе полнымъ вооруженіемъ, противъ еврейскихъ поселеній на сѣверъ отъ Медины: Хейбаръ, Вадиль - Кора, Фадакъ и Тейма. Евреи не вышли въ поле и засѣли въ крѣпкихъ башняхъ. Послѣ нѣсколькихъ недѣль осады они стали сдаваться, отрядъ за отрядомъ. Они должны были отдать побѣдителямъ все свое имущество, а сами съ женами и дѣтьми получили свободный пропускъ. При взятіи Хейбара одна еврейка по имени Зейнабъ, у которой всѣ родные были перебиты мусульманами, задумала отомстить. Притворившись расположенной къ принятію Ислама, она принесла въ даръ Мухаммеду зарѣзаннаго барана, смазавши его сильнымъ ядомъ. Мухаммедъ, собиравшійся ужинать съ нѣсколькими гостями, велѣлъ подать этого барана къ своему столу. Взявши въ ротъ кусокъ, онъ почувствовалъ дурной вкусъ и выплюнулъ; одинъ изъ гостей, успѣвшій проглотить, умеръ на мѣстѣ. Но и Мухаммедъ не отдѣлался даромъ. Онъ заболѣлъ, и съ тѣхъ поръ, какъ самъ говорилъ, никогда уже не чувствовалъ себя вполнѣ здоровымъ. Свою послѣднюю болѣзнь и смерть онъ приписывалъ дѣйствію того же яда.

Между тѣмъ договоръ, заключенный въ Ходейбіи, оказывался болѣе выгоднымъ для Мухаммеда, чѣмъ думали ревнители Ислама. Сосѣднее съ Меккой племя Бену-Хозаа,—то самое, которое нѣкогда отняло у корейшитовъ Каабу, а потомъ было принуждено опять возвратить ее,—воспользовалось соотвѣтствующей статьей договора, открыто стало на сторону Мухаммеда и вступило съ нимъ въ союзъ. А статья о выдачѣ перебѣжчиковъ, повидимому предоставлявшая

корейшитамъ несправедливое преимущество передъ Мухаммедомъ, была отмѣнена по требованію самой привилегированной стороны, которой пришлось плохо отъ этой привилегіи. Одинъ буйный меккапецъ, по имени Абу-Баспръ, изъ племени Такифовъ, но находившійся подъ защитой дома Зохра, за слишкомъ ярое проповѣданіе Ислама былъ запертъ своимъ патрономъ въ темницу. Вырвавшись оттуда, онъ прибѣжалъ въ Медину къ Мухаммеду. Домъ Зохра, на основаніи договора, потребовалъ его выдачи. Мухаммедъ исполнилъ требованіе; но Абу-Баспръ дорогой бѣжалъ и, набравъ шайку такихъ-же бѣглецовъ изъ Мекки, недовольныхъ корейшитской плутократіей, засѣлъ съ этой шайкой (числомъ въ 70 человѣкъ) близъ большой хиджазской дороги и сталъ разбивать всѣ меккапскіе караваны. Корейшиты обратились къ Мухаммеду съ просьбой, чтобы статья о выдачѣ была исключена и чтобы онъ принималъ къ себѣ всѣхъ бѣглецовъ изъ Мекки.

Весной 629 г. Мухаммедъ съ 2.000 спутниковъ отправился въ Мекку. Всѣ вооруженные корейшиты при его приближеніи вышли изъ города и стали лагеремъ въ окрестныхъ горахъ. Съ оставшимися жителями Мухаммедъ вступилъ въ дружескія сношенія, послѣ того какъ онъ и его спутники торжественно совершили всѣ священные обряды. Дядя его Аббасъ принялъ его въ своемъ домѣ и предложилъ ему въ жены свою овдовѣвшую невѣстку Меймуну. Мухаммедъ хотѣлъ остаться въ Меккѣ и послѣ условленныхъ трехъ дней, чтобы отпраздновать новую свадьбу, но корейшиты потребовали точнаго исполненія договора. Мухаммедъ оставилъ Мекку, пріобрѣтя себѣ новыхъ приверженцевъ между ея жителями, въ томъ числѣ побѣдителя при Оходѣ, Халида Ибн-эль-Валида.

Вѣроятно въ этомъ же году (по нѣкоторымъ преданіямъ еще раньше) Мухаммедъ послалъ пословъ къ императору Гераклію, къ персидскому царю Хозрою Парвезу, къ правителю Сиріи и къ вассалу Византіи, царьку сирійскихъ арабовъ Харитъ VII (изъ дома Гассанидовъ). Послы были снабжены письмами Мухаммеда, увѣщавшаго этихъ владѣтелей признать единаго, истиннаго Бога и принять Исламъ *). Египетскій намѣстникъ прислалъ Мухаммеду дру-

*) Весьма мало вѣроятно, чтобы эти письма были отправлены одновременно. Обращаясь къ самому императору, Мухаммедъ не имѣлъ никакой нужды обращаться къ его генералъ-губернатору въ Египтѣ и его вассалу въ Сиріи. Если обращеніе Мухаммеда къ императору и Шах-ин-Шаху не есть вымыселъ (какимъ признаетъ его напримѣръ новѣйшій историкъ Мухаммеда, Губертъ Гримме), то его слѣдуетъ отнести къ самому послѣднему времени передъ смертью пророка.

жеское письмо и двухъ невольницъ въ подарокъ. На одной изъ нихъ, по имени Маріатъ, Мухаммедъ женился, и она родила ему сына Ибрагима, который однако не исполнилъ надеждъ Мухаммеда имѣть мужское потомство, такъ какъ умеръ въ младенчествѣ.

Со стороны Сиріи Мухаммедъ встрѣтилъ враждебный пріемъ. Пятнадцать человѣкъ развѣдчиковъ были захвачены врасплохъ и перебиты гассанидскими воинами, а гонецъ съ письмомъ Мухаммеда къ греческому коменданту Бостры былъ задержанъ на дорогѣ и обезглавленъ.

Въ сентябрѣ 629 г. Мухаммедъ послалъ своего пріемнаго сына Зейда Ибн-Хариса съ трехъ-тысячнымъ войскомъ въ Сирію. Вѣроятно предполагалось имѣть дѣло только съ гассанидами, но, дойдя до южныхъ береговъ Мертваго моря, мусульмане неожиданно наткнулись на расположившіяся близъ мѣстечка Мута войска императора Гераклія, незадолго передъ тѣмъ одержавшія блестящія побѣды надъ персами. По арабскимъ извѣстіямъ, очевидно преувеличеннымъ, это войско состояло изъ 100.000 человѣкъ. Во всякомъ случаѣ, превосходство силъ на сторонѣ грековъ было подавляющее. Тѣмъ не менѣе мусульмане рѣшились на сраженіе. Послѣ того какъ ихъ предводитель Зейдъ и потомъ замѣстившіе его Джафаръ (сынъ Абу-Талиба, двоюродный братъ Мухаммеда) и мединецъ Ибн-Рахава были убиты, мусульмане обратились въ бѣгство, но Халиду удалось ихъ собрать, привести въ порядокъ и совершить правильное отступленіе къ Мединѣ. Мухаммедъ запретилъ городскимъ жителямъ смѣяться надъ бѣглецами, а Халиду, уберегшему войско отъ окончательнаго истребленія, онъ далъ почетное прозвище *Божій мечъ*.

Обыкновенный политическій пріемъ Мухаммеда состоялъ въ томъ, что, потерпѣвши пораженіе отъ однихъ враговъ, онъ, прежде чѣмъ собраться съ силами для вѣрнаго отомщенія, поддерживалъ свой престижъ нападеніемъ на другихъ, болѣе слабыхъ противниковъ. Такъ поступилъ онъ и тутъ. Немедленно послѣ пораженія при Мутѣ онъ посылаетъ Амра Ибн-эль-Аси (знатнаго корейшита, обратившагося въ Исламъ вмѣстѣ съ Халидомъ) въ походъ противъ Гатафановъ и другихъ племенъ средней Аравіи. Они покорились почти безъ сопротивленія и объявили себя сторонниками Мухаммеда, который теперь несомнѣнно сталъ самымъ могущественнымъ властителемъ на всемъ полуостровѣ. Видя это, мекканцы рѣшились на послѣднюю попытку сопротивленія.

ГЛАВА XVII.

Окончательное торжество Мухаммеда.

Вступившее въ союзъ съ Мухаммедомъ племя Бену-Хозаа, подъ Меккой, состояло въ давней кровной враждѣ съ сосѣднимъ племенемъ Бену-Бекръ, состоявшимъ въ союзѣ съ корейшитами. Между ними происходили постоянныя драки. Одна такая драка вышла изъза Мухаммеда. Кто-то изъ Бену-Бекровъ, сказавшій что-то оскорбительное для пророка, былъ избитъ присутствовавшими хозаитами. Его родичи пожаловались корейшитамъ и отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ получили совѣтъ раздѣлаться силой съ союзниками Мухаммеда, т. е. нарушить Ходейбійскій договоръ. Тогда Бену-Бекръ ночью напали на отрядъ хозаитовъ и многихъ перерѣзали. Только-что это стало извѣстно въ Меккѣ, народъ возсталъ противъ воинствующихъ корейшитовъ и объявилъ, что не желаетъ навлекать на себя справедливаго мщенія Мухаммеда. Корейшиты уступили народнымъ требованіямъ, и Абу-Софьянъ, котораго вражда къ Мухаммеду за послѣдніе годы совсѣмъ укротилась, былъ посланъ въ Медину для мирныхъ переговоровъ. Мухаммедъ, разумѣется, не поддался этимъ увѣщаніямъ, и немедленно по отъѣздѣ Абу-Софьяна выступилъ со всѣми силами мусульманъ и новыхъ союзниковъ — болѣе 10.000 человѣкъ — противъ Мекки. На дорогѣ онъ встрѣтилъ многихъ мекканцевъ, переходившихъ на его сторону и принимавшихъ Исламъ. Такимъ образомъ присоединился къ нему окончательно и старый дядя его Аббасъ.

Въ январѣ 630 г. мусульманское войско стало лагеремъ около Марръ-эзъ-Захранъ, въ 9-ти верстахъ къ сѣверо-западу отъ Мекки. Корейшиты послали къ Мухаммеду опять Абу-Софьяна для переговоровъ. На другой день онъ принялъ Исламъ, а Мухаммедъ со своимъ войскомъ безпрепятственно вступилъ въ священный городъ. По новому договору, жители Мекки признавали верховную власть Мухаммеда и предоставляли въ его распоряженіе свои вооруженныя силы; за это они получали равное съ мединцами право на военную добычу. Большинство тутъ же приняло Исламъ. Мухаммедъ семь разъ объѣхалъ Каабу на своей верблюдицѣ Эль-Касва, семь разъ дотронулся своимъ посохомъ до священнаго камня, велѣлъ уничтожить всѣхъ идоловъ вокругъ святилища, затѣмъ во имя Божіе торжественно подтвердилъ всѣ права Мекки и ея территоріи, но вмѣстѣ съ тѣмъ объявилъ равенство всѣхъ людей передъ Богомъ и

одинаковую для всѣхъ обязанность подчиняться законамъ Ислама. Въ заключеніе онъ предписалъ мекканцамъ истребить идоловъ и у себя въ домахъ. Язычники, на опытѣ убѣдившіеся въ безсиліи своихъ боговъ, охотно исполнили это повелѣніе.

Тѣмъ не менѣе Мухаммедъ не располагалъ перенести въ Мекку свое мѣстопребываніе. Онъ рѣшительно объявилъ своимъ мединскимъ сподвижникамъ: «я хочу и жить, и умереть вмѣстѣ съ вами», и уже собирался въ обратный путь къ Мединѣ, какъ пришло извѣстіе, что на него поднимаются новыя силы. Могущественный союзъ бедуинскихъ племенъ, носившихъ общее названіе Эль-Хавазинъ и занимавшихъ обширную территорію, простиравшуюся изъ глубины средне-аравійской пустыни до границъ Мекканской области, включая сосѣдній съ Меккою городъ Таифъ, выставилъ огромное для тѣхъ мѣстъ и временъ войско въ 20.000 человѣкъ, которое подъ начальствомъ Малика Ибн-Ауфа уже стояло около Таифа. Мухаммедъ, увеличивъ свои силы на 2.000 новыхъ мусульманъ-мекканцевъ, выступилъ навстрѣчу непріятелю, который также двинулся впередъ, ведя за собою свой обозъ съ женами, дѣтьми и множествомъ скота. Между враждебными войсками находилась глубокая долина Хонейнъ. Маликъ, оказавшійся недурнымъ полководцемъ, успѣлъ занять боковыя ущелья конными отрядами, и когда мусульмане вошли въ долину, они были охвачены непріятелемъ съ обоихъ фланговъ. Мусульманское войско состояло изъ трехъ главныхъ отдѣловъ: подчиненныя Мухаммеду бедуинскія племена, мекканцы и старые мусульмане, или мединская дружина. Бедуины, по обычаямъ пустыни, считавшіе поспѣшное бѣгство такой же важной и почтенной частью военнаго искусства, какъ и успѣшное нападеніе, немедленно показали тылъ; мекканцы, приведенные этимъ въ замѣшательство, послѣдовали ихъ примѣру, а затѣмъ общая паника охватила и мединцевъ. Мухаммеду, котораго чуть было не отрѣзали непріятели, удалось громкими криками: «сюда, люди дерева!» (т. е. клявшіеся подъ деревомъ въ Ходейбіи) остановить бѣгство своей дружины и собрать ее вокругъ себя. Когда вернулись и прочія части войска, непріятель былъ вытѣсненъ изъ Хонейнской долины; одно изъ племенъ, Бену-Такифы, которымъ принадлежалъ городъ Таифъ, ушли подъ защиту его укрѣпленій, покинувъ союзниковъ. Прочіе пытались защищать свой лагерь у мѣстечка Эль-Аутасъ, что̀ значитъ по̀нь. «Печь разгорается жарко», сказалъ Мухаммедъ. Послѣ упорнаго боя, Хавазины бросили лагерь и бѣжали въ Таифъ; 6.000 женщинъ и дѣтей, 24.000 верблюдовъ, несчетное множество овецъ, коз и всякаго добра досталось мусульманамъ.

Мухаммедъ роздалъ бо́льшую часть добычи мекканцамъ, и когда обиженная этимъ его дружина выражала свое неудовольствіе, онъ сказалъ: «Неужели вы недовольны тѣмъ, что эти (мекканцы) погонятъ къ себѣ овецъ и верблюдовъ, а вы, ансары, поведете съ собой посланника Божія? Клянусь Тѣмъ, въ Чьихъ рукахъ душа Мухаммеда! еслибы я могъ выбирать, гдѣ родиться, я родился бы между ансарами. И еслибы весь свѣтъ пошелъ на одну сторону, а ансары на другую, я оставилъ бы весь свѣтъ и пошелъ съ ансарами. Боже! будь милостивъ къ ансарамъ, и къ сынамъ ансаровъ, и къ сынамъ сыновъ ихъ во вѣки!» Растроганные сподвижники закричали: «мы довольны своей долей и жребіемъ, посланникъ Божій!» Мухаммедъ зналъ, что ихъ сердца принадлежатъ ему, тогда какъ сердца мекканцевъ нужно было еще пріобрѣсти; и тутъ онъ имѣлъ полный успѣхъ: кто не поддался снисходительному и дружелюбному обращенію побѣдителя, не могъ устоять передъ щедрыми дарами. Но Мухаммедъ тутъ же пріобрѣлъ сердца и только-что разбитыхъ передъ тѣмъ непріятелей. Когда пришли послы отъ Малика и Хавазиновъ, Мухаммедъ отпустилъ безъ выкупа ихъ женъ и дѣтей. Тронутый этимъ великодушіемъ, Маликъ принялъ Исламъ, а его примѣру послѣдовали и подвластные ему бедуины.

ГЛАВА XVIII.

Смерть Мухаммеда. — Оцѣнка его нравственнаго характера.

По возвращеніи въ Медину Мухаммедъ собралъ 30.000 войска и объявилъ походъ противъ Византіи. Но, дойдя до пограничнаго съ Сиріей города Табука, онъ остановился. Отъ передовыхъ отрядовъ пришли извѣстія, что полчища сирійскихъ арабовъ, собравшіяся къ востоку отъ Іордана, разсѣялись безъ боя, а о войскахъ императора Гераклія нѣтъ никакого слуха. Подъ этимъ страннымъ предлогомъ — какъ будто дѣло шло объ единоборствѣ въ назначенномъ мѣстѣ и времени — Мухаммедъ рѣшилъ отказаться отъ дальнѣйшаго похода. Заключивши договоры съ нѣкоторыми шейхами бедуиновъ на Синайскомъ полуостровѣ, которые, вмѣсто вассальныхъ отношеній къ Византіи, признали его верховенство, Мухаммедъ вернулся въ Медину. По всей вѣроятности, у него было уже предчувствіе смертельной болѣзни, и онъ не находилъ въ себѣ достаточно силъ для такого важнаго и новаго предпріятія. Это под-

тверждается тѣмъ *прощальнымъ* характеромъ, какое приняло его послѣднее путешествіе въ Мекку. По окончаніи священныхъ обрядовъ онъ обратился къ собравшимся въ долинѣ Мина богомольцамъ съ особой рѣчью. Напомнивъ имъ всѣ заповѣди и законы Ислама, онъ увѣщевалъ ихъ быть между собою въ мирѣ и братскомъ единствѣ, навсегда отказаться отъ обычая кровной мести, хорошо обращаться со своими женами и рабами, и въ заключеніе сказалъ: «воистину, я исполнилъ то, что было мнѣ поручено».

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по возвращеніи домой онъ почувствовалъ приступъ горячки. Передавъ Абу-Бекру предстоятельство на молитвѣ въ Мединской мечети, онъ остался безвыходно въ домѣ любимой жены своей Аиши. Онъ не сомнѣвался въ близкой смерти и отпустилъ на волю всѣхъ своихъ рабовъ. Временами онъ впадалъ въ бредъ и однажды потребовалъ письменныхъ принадлежностей. Его требованіе не было исполнено, и онъ на немъ не настаивалъ. Утромъ въ день своей смерти онъ пришелъ въ полное сознаніе и показался на порогѣ смежной съ домомъ Аиши мечети, когда вѣрные были тамъ собраны на молитву. Этотъ выходъ истощилъ его послѣднія силы; когда Аиша уложила его въ постель, началась агонія. Проговоривъ задыхающимся голосомъ безсвязныя слова: «нѣтъ — великіе — товарищи — въ раю», онъ умеръ въ первомъ часу пополудни 8 іюня 632 г. (13 числа мѣсяца — перваго Раби 11 года хиджры) на 63 году отъ рожденія.

Историки, наиболѣе благосклонные къ Мухаммеду, все-таки упрекаютъ его за то, что и во второй, мединскій періодъ своей дѣятельности, — періодъ по преимуществу политическій, онъ продолжалъ выдавать себя за посланника Божія и различнымъ своимъ приказамъ и распоряженіямъ придавать значеніе прямыхъ божественныхъ предписаній. Этотъ упрекъ имѣетъ смыслъ только при томъ предположеніи, что Мухаммедъ въ этотъ второй періодъ своей жизни уже не считалъ, а только выдавалъ себя за посланника Божія. Но когда же онъ пересталъ вѣрить въ свое посланничество? Такого момента въ его жизни нельзя указать, и менѣе всего можно его искать именно во второй, мединскій періодъ. Если въ первое время, когда онъ въ пользу дѣйствительности своего призванія не имѣлъ ничего кромѣ своей собственной внутренней увѣренности да вѣры въ него Хадиджи и нѣсколькихъ друзей его, если тогда, вопреки всей внѣшней очевидности и на зло общему мнѣнію, онъ твердо стоялъ на своемъ убѣжденіи, то какъ же онъ

могъ въ немъ поколебаться, когда послѣ невѣроятно быстрыхъ успѣховъ онъ добился признанія даже со стороны своихъ прежнихъ враговъ и гонителей? Когда же, въ самомъ дѣлѣ, былъ тотъ моментъ, въ который Мухаммедъ могъ потерять вѣру въ себя и въ свое призваніе? Не тогда ли, когда чужеземцы клялись ему въ вѣрности? или когда съ нимъ, бѣглецомъ и изгнанникомъ, могущественныя племена, владѣвшія вторымъ городомъ въ Аравіи, вступили съ нимъ въ договоръ, какъ съ самостоятельнымъ властителемъ? или тогда, когда онъ разбилъ втрое сильнѣйшихъ его корейшитовъ при Бедрѣ? или тогда, когда при Оходѣ его дружина за ослушаніе ему была наказана пораженіемъ; а онъ не только спасся, а сохранилъ и даже возвысилъ свое положеніе? или тогда, когда соединенныя силы всѣхъ его враговъ разсѣялись, не причинивъ ему никакого урона, передъ наскоро выкопаннымъ имъ ровомъ? или когда корейшиты и вся Мекка, а за ними и вся почти Аравія признали его своимъ верховнымъ владыкой и посланникомъ Божіимъ? Ясно, что каждый изъ этихъ успѣховъ въ отдѣльности могъ только укрѣплять его вѣру въ себя и въ свыше данное ему порученіе, а весь послѣдовательный рядъ этихъ чудесныхъ успѣховъ долженъ былъ довести эту вѣру до безусловной непоколебимости. А при этомъ могъ ли онъ проводить точную границу между своимъ усмотрѣніемъ и волею Божіею? Если онъ «отдалъ сердце свое Богу», и Богъ соединилъ съ нимъ Свое неизмѣнное благоволеніе, на какомъ основаніи сталъ бы онъ отнимать религіозную санкцію у движеній этого сердца, отданнаго Богу? Была здѣсь конечно одна граница, признававшаяся Мухаммедомъ въ принципѣ и иногда нарушавшаяся имъ на дѣлѣ. Онъ зналъ, что различіе добра и зла безусловно не зависитъ ни отъ чьего произвола, что даже Богъ не можетъ повелѣть того, что дурно. И въ тѣхъ, правда, рѣдкихъ случаяхъ, когда онъ мстилъ своимъ личнымъ врагамъ или политическую мудрость смѣшивалъ съ коварной жестокостью (какъ относительно евреевъ), совѣсть, безъ сомнѣнія, говорила ему, что это дурно и что Богъ не могъ этого повелѣть. Я сейчасъ укажу на смягчающія обстоятельства и для этихъ поступковъ, но, во всякомъ случаѣ, они заслуживаютъ осужденія. Нельзя однако распространять этого осужденія на разныя предписанія Корана, въ которыхъ не было ничего нравственно дурного, но которыя представляются намъ, какъ внушенныя человѣческой политикой, тогда какъ Мухаммедъ придавалъ имъ значеніе божественныхъ заповѣдей. Не нужно забывать, что политика Мухаммеда была искренне-религіозной, а его религія съ

самаго начала имѣла и политическую задачу. Развѣ существовало въ его время (да и гораздо позже) раздѣленіе между религіей и политикой; развѣ не смѣшивались эти два интереса и въ дѣятельности византійскихъ императоровъ, и въ дѣятельности римскихъ папъ? Еще менѣе возможно было это раздѣленіе въ томъ варварскомъ состояніи общественной жизни, въ которомъ находились племена Аравіи.

Мухаммедъ не былъ свѣтскимъ политикомъ въ мединскій періодъ, такъ же какъ онъ не былъ духовнымъ богословомъ въ эпоху своей первой проповѣди. Разница между двумя періодами состояла не въ существѣ дѣла, а только въ способѣ дѣятельности, не въ существѣ и характерѣ задачи, а только въ степени ея реализаціи. Сначала Мухаммедъ безуспѣшно убѣждалъ, а потомъ съ успѣхомъ побѣждалъ своихъ противниковъ, но и то, и другое онъ дѣлалъ во имя одного и того же закона жизни. Этимъ закономъ жизни, а не какимъ-нибудь отвлеченнымъ догматомъ, увлекался онъ въ своихъ первыхъ проповѣдяхъ, и этотъ же законъ жизни, интересъ его утвержденія и распространенія, а не какія-нибудь внѣшнія мірскія выгоды и соображенія руководили имъ въ его походахъ и войнахъ. Законодательныя Суры Корана изъ мединскаго періода суть только частныя, практическія примѣненія того закона жизни, который онъ въ принципѣ проповѣдывалъ корейшитамъ, и если самый законъ, по искреннему его сознанію, былъ не отъ него, а свыше, то та же самая религіозная санкція, безъ всякаго подлога съ его стороны, естественно распространялась и на частныя приложенія общаго принципа, на частныя узаконенія, реализующія единый законъ жизни. Мухаммедъ былъ-бы виновенъ въ злоупотребленіи своимъ религіознымъ авторитетомъ только въ томъ случаѣ, еслибы какія-нибудь изъ его узаконеній были несомнѣнно безнравственны. Такихъ мы не находимъ въ Коранѣ, хотя многое здѣсь, какъ и въ законѣ Моисеевомъ, дано «по жестокосердію» народа. Главное обвиненіе противъ Корана то, что онъ узаконяетъ многоженство. И это обвиненіе нельзя принять безъ оговорокъ. Узаконяя извѣстныя потребности, Коранъ не обготовляетъ ихъ, какъ это дѣлалось въ язычествѣ, онъ не признаетъ за ними безусловнаго права, а вводитъ ихъ въ извѣстные предѣлы (не болѣе четырехъ женъ). Эти предѣлы можно находить слишкомъ широкими и легко обходимыми (посредствомъ отличенія невольницъ отъ женъ, подобно тому, какъ плохіе мусульмане стали обходить заповѣдь трезвости чрезъ различеніе водки отъ виноградnаго вина); но здѣсь, но всякомъ случаѣ, есть принци-

піальное ограниченіе чувственности вмѣсто прежняго ея обоготворенія. Освобождая себя самого отъ этого ограниченія, Мухаммедъ сознаетъ это какъ слабость и ссылается на безконечное милосердіе Божіе. Изъ вышеприведенныхъ текстовъ Корана мы видѣли также, насколько несправедливы другіе упреки, дѣлаемые Мухаммеду, — въ фанатизмѣ, нетерпимости, проповѣди религіознаго насилія. Вообще въ священной книгѣ мусульманъ нѣтъ ни одного изреченія, въ которомъ видно было-бы сознательное злоупотребленіе религіей со стороны Мухаммеда. За устраненіемъ этого основного принципіальнаго обвиненія остаются противъ Мухаммеда только чувственныя увлеченія его старости и нѣсколько политическихъ убійствъ, внушенныхъ мстительностью. О первыхъ мы уже говорили, а для справедливаго сужденія о вторыхъ нужно сравнивать Мухаммеда съ людьми, находившимися въ аналогичномъ положеніи. Сами собою напрашиваются на сравненіе Константинъ Великій и Карлъ Великій. Оба они, такъ-же какъ и Мухаммедъ, были дѣятелями религіозно-политическими. Всѣ трое связывали свою политику съ религіей, во имя Божіе писали законы и вели войны, всѣ трое понимали религію, какъ начало практическое, какъ основу соціально-политическаго объединенія людей, всѣ трое были представителями извѣстныхъ теократическихъ идеаловъ, и каждый изъ нихъ оставилъ послѣ себя нѣкоторую теократическую организацію. По личнымъ свойствамъ всѣ трое были людьми искренне-религіозными, честными и свободными отъ низкихъ пороковъ. И всѣхъ троихъ эти личныя качества не уберегли отъ злоупотребленія выпавшею на ихъ долю неограниченною властью. Константинъ Великій предаетъ смерти свою жену и своего невиннаго сына; Карлъ Великій избиваетъ 4.500 плѣнныхъ саксонцевъ. Эти злодѣянія сами по себѣ тяжелѣе злодѣяній Мухаммеда, и сверхъ того не надо забывать, что Карлъ Великій принадлежалъ къ народу, уже триста лѣтъ какъ принявшему христіанство, и былъ воспитанъ въ этой религіи, а Константинъ Великій, самъ обратившійся въ христіанство, кромѣ того жилъ въ мірѣ несравненно болѣе образованномъ, нежели культурная среда Мухаммеда. Сравненіе этого послѣдняго съ религіозно-политическими героями востока и запада христіанскаго міра оказывается такимъ образомъ въ пользу аравійскаго пророка; и если греки канонизировали Константина, а латиняне—Карла, то тѣмъ болѣе основаній имѣютъ мусульмане благоговѣйно почитать память своего апостола.

Для личной характеристики и оцѣнки историческаго дѣятеля важно не только то, что онъ сдѣлалъ, но и то, что онъ хотѣлъ сдѣ-

лать, и что онъ самъ цѣнилъ въ своемъ дѣлѣ. Какъ самъ Мухаммедъ смотрѣлъ на свою задачу, это онъ высказываетъ въ одной изъ послѣднихъ (по времени) Суръ Корана (III): «принимайте всецѣло божественную религію; не дѣлайте раскола. Помните блага, которыми небо снабдило васъ. *Вы были врагами между собою, оно вложило согласіе въ сердца ваши, вы стали братьями.* Воздайте благодареніе благости Его.... дабы, *соединенные священными узами, вы призывали людей къ истинной вѣрѣ, предписывали справедливость, запрещали преступленія и наслаждались благополучіемъ*».

Заключеніе.

Въ преданіи о ночной поѣздкѣ Мухаммеда въ Іерусалимъ (см. выше) разсказывается между прочимъ, какъ въ «домѣ поклоненія» пророку послѣ молитвы были предложены три чаши: одна съ медомъ, другая съ виномъ и третья съ молокомъ, — и онъ выбралъ изъ нихъ послѣднюю.

Между языческою чувственностью (медъ) и христіанскою духовностью (вино) Исламъ въ самомъ дѣлѣ есть здоровое и трезвое молоко: своими общедоступными догматами и удобоисполнимыми заповѣдями онъ питаетъ народы, призванные къ историческому дѣйствію, но еще не доросшіе до высшихъ идеаловъ человѣчества.

Для арабовъ и другихъ народовъ, принявшихъ религію Мухаммеда, она должна стать тѣмъ, чѣмъ былъ законъ для іудеевъ и философія для эллиновъ,—переходною ступенью отъ языческаго натурализма къ истинной универсальной культурѣ, школою спиритуализма и теизма въ доступной этимъ народамъ начальной педагогической формѣ.

Основная ограниченность въ міросозерцаніи Мухаммеда и въ основанной имъ религіи — это отсутствіе идеала человѣческаго *совершенства* или совершеннаго соединенія человѣка съ Богомъ, — идеала истинной богочеловѣчности. Мусульманство требуетъ отъ вѣрующаго не безконечнаго совершенствованія, а только акта безусловной преданности Богу. Конечно и съ христіанской точки зрѣнія безъ такого акта невозможно достиженіе совершенства для человѣка; но самъ по себѣ этотъ актъ преданности еще не составляетъ совершенства. Между тѣмъ вѣра Мухаммедова ставитъ пер-

вое *условіе* истинной духовной жизни на мѣсто самой этой жизни. Исламъ не говоритъ людямъ: будьте совершенны, какъ Отецъ вашъ небесный, т. е. совершенны *во всемъ*; онъ требуетъ отъ нихъ только общаго подчиненія себя Богу и соблюденія въ своей натуральной жизни тѣхъ внѣшнихъ предѣловъ, которые установлены божественными заповѣдями. Религія остается только неизмѣнной основой и неподвижной рамкой человѣческаго существованія, а не его внутреннимъ содержаніемъ, смысломъ и цѣлью.

Если нѣтъ совершеннаго идеала, который человѣкъ и человѣчество должны осуществлять въ своей жизни своими силами, то, значитъ, нѣтъ для этихъ силъ никакой опредѣленной задачи, а если нѣтъ задачи или цѣли для достиженія, то не можетъ быть движенія впередъ. Вотъ истинная причина, почему идея прогресса, какъ и самый фактъ его остаются чужды магометанскимъ народамъ. Ихъ культура сохраняетъ чисто мѣстный спеціальный характеръ и быстро отцвѣтаетъ безъ преемственнаго развитія. Міръ Ислама не породилъ универсальныхъ геніевъ, онъ не далъ и не могъ дать человѣчеству «вождей на пути къ совершенству». Тѣмъ не менѣе религія Мухаммеда еще имѣетъ будущность; она еще будетъ если не развиваться, то распространяться. Постоянные успѣхи Ислама среди народовъ мало воспріимчивыхъ къ христіанству — въ Индіи, Китаѣ, Средней Африкѣ, — показываютъ, что духовное молоко Корана еще нужно для человѣчества.

КОНЕЦЪ.